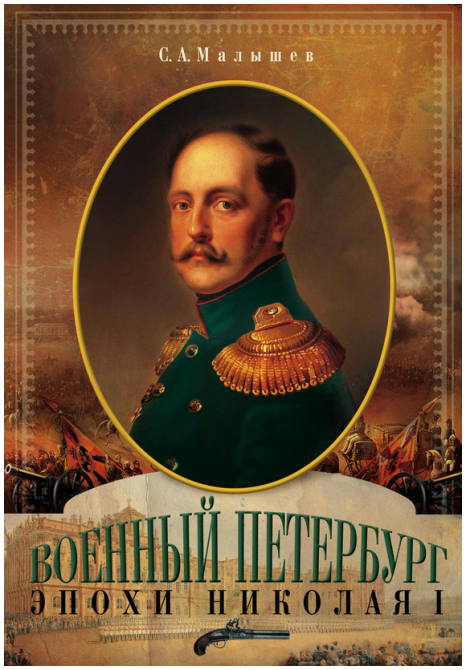

С. А. Малышев
ВОЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ
ЭПОХИ НИКОЛАЯ I

Станислав Анатольевич Малышев

Военный Петербург эпохи Николая I

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946145
Военный Петербург эпохи Николая I: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03680-3

Аннотация

Время правления Николая I у многих ассоциируется с тем, что нам рассказывали о нем в школе и институте: реакция и полный застой. Однако же у императора было много заслуг перед отечеством. В этой книге автор помогает воссоздать истинную целостную и реалистичную картину николаевского Петербурга. Страстный и увлеченный рассказ автора поможет читателю лучше познакомиться с жизнью и службой в армии при императоре Николае I, с Петербургом, который в его царствование получил наивысший расцвет как военная столица. В основу произведения легли военные мемуары, не издававшиеся с 1917 г., материалы по истории полков, старые и новые исторические исследования. Текст иллюстрируют прекрасные картины и портреты той эпохи.

Содержание

Вступление 5
Глава 1 11
Глава 2 46
Глава 3 76
Глава 4 107
Глава 5 147
Конец ознакомительного фрагмента. 171

Станислав Анатольевич Малышев
Военный Петербург эпохи Николая I

Вступление

Император Николай I в наше время остается фигурой почти неизвестной. Многие из наших современников, как ни странно, даже путают этого государя с Николаем II. Услышав в разговоре слова «император Николай» они, не дослушав порядкового номера, сразу представляют Николая II, хорошо знакомого по многочисленным радио– и телепередачам, растиражированным портретам и фотографиям. Более «просвещенные», те, которые могут отличить одного монарха от другого, всегда вспоминают о резко отрицательной характеристике Николая I, которую затвердили со школьных и институтских времен.

Вскоре после кончины этого императора, когда в России начались либеральные реформы, появилась масса издевательских стихов и нелегальных статеек, где для Николая Павловича не жалели черной краски – надо полагать, не без участия западноевропейских «доброжелателей». Царствование Николая I, правившего Россией с 1825 по 1855 год, называлось периодом реакции, полного застоя или в лучшем случае «неустанного бега на месте». Авторы не жалели для государя ругательных слов, называя его солдафоном, жандармом, холодным бездушным тираном, который железной рукой подавлял все лучшее и прогрессивное. А о Крымской войне, которую Россия, сражаясь в одиночестве фактически против всего мира, проиграла с честью и с небольшими потерями, говорили как чуть ли не о национальной катастрофе, главным виновником которой был, конечно же, «Николай Палкин».

Как пример, или даже своего рода «эталон» подобного отношения, звучат полные злобы слова бывшего офицера русской армии, поляка И.Ф. Савицкого, который принял активное участие в Польском восстании 1863 года, поддержанном Европой, а после его поражения остался в эмиграции на Западе, где писал воспоминания, угодные врагам России: «Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз, безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, безжалостно расправляясь с любым проблеском свободной жизни, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающуюся подняться выше уровня, начертанного рукой венценосного деспота. Окруженный лжецами, льстецами, не слыша правдивого слова, он очнулся только под гром орудий Севастополя и Евпатории. Гибель его армии – опоры трона – раскрыла царю глаза, обнаружив всю пагубность, ошибочность его политики»[1].

Но и в это время находились авторы воспоминаний, которые писали о нем с симпатией. Особенно много их было среди военных, которые служили при государе, неоднократно общались лично.

[1] Смирнов А.Ф. Загадка смерти императора // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 455.

Император Николай I вверяет наследника попечению гвардейского караула 14 декабря 1825 г. Барельеф на памятнике работы П.К. Клодта

На рубеже XIX–XX веков появился целый ряд книг, приуроченных к 100-летию со дня его рождения, где о нем, о его заслугах, трудах на благо Отечества, было написано много серьезных и хороших слов. Это были биографии государя, исторические исследования о его царствовании, о людях и нравах его времени. Не обходя вниманием недостатки, авторы подчеркивали его достоинства, старались дать реальную картину николаевской эпохи и ее главного героя, одного из самых достойных наших правителей. Наиболее заметные исследования – «Император Николай I и его царствование» Н.К. Шильдера, «Император Николай I» М.А. Полиевктова, «Венчанный рыцарь и его тернистый путь» М.М. Бородкина, «Восточная война» А.М. Зайончковского и множество небольших по объему трудов: например, М.С. Лалаева, Е.В. Богдановича, Н. Ермилова, Ф.Е. Надеждина, В.В. Назаревского и других, которые давали краткую биографию государя и обзор эпохи его царствования, отражали личные черты Николая Павловича или какую-либо из сторон его деятельности.

Наступил 1917 год, и буквально сразу после Февральской революции новая власть, чтобы показать себя в выгодном свете, начала выискивать «преступления царизма перед народом». Это касалось не только последнего, еще живого императора, но и его предков. Тогда и давно уже умерший Николай I снова стал мишенью для клеветы и издевательств. В революционном Петрограде вышла брошюра с Е.И. Тарасова с характерным названием «Николаевщина (время Николая I)», а в Москве – родственная ей по духу книга «Николай Палкин», в которой издатели собрали все самое плохое, что писал об этом государе Лев Толстой, включая слухи и сплетни о личной жизни императора.

Вскоре и сама эта власть, которая попыталась зачеркнуть всю многовековую историю монархии в России, была сметена новой революционной волной – большевиками. Утвердившаяся советская власть использовала тот же идеологический прием: для того чтобы убедить народ, что в советское время жить стало лучше, нужно постоянно показывать, как плохо жилось при царях, замалчивая все положительные моменты, раздувая, преувеличивая, выдумывая отрицательные. И здесь Николаю Павловичу «досталось» больше всех, особенно в

связи с темой декабристов, которых стали открыто воспевать, и в связи с тем, что А.С. Пушкина записали в революционеры и в жертвы царизма.

За семь десятилетий после 1917 года все русские императоры, кроме Петра I, превратились на страницах советских изданий в одно целое, почти обезличенное «царское самодержавие». В сплошной беспросветной темноте с трудом различаются отдельные лица. Многие путают даже Александра I и Александра II, а о Николае I могут сформулировать кое-какие представления как о жандарме и палаче, который в начале своего царствования зверски расправился с декабристами, в конце – проиграл Крымскую войну, ставшую национальной катастрофой, показавшей гнилость и отсталость самодержавия, а в промежутке угнетал Пушкина и беспощадно муштровал свою армию.

Таким путем в сознании многих современных русских людей укоренился образ «плохого царя». Он удерживается и до сих пор, несмотря на то, что на рубеже XX–XXI веков создаются книги, авторы которых пытаются восстановить историческую справедливость. Среди них хочется отметить такие серьезные труды, как «Николай I» А.Н. Боханова; «Правда о Николае I. Оболганный император» А.В. Тюрина; «Николай I: человек и государь» Л.В. Выскочкова; «Белые пятна красного цвета» В.В. Крутова и Л.В. Швецовой-Крутовой. К ним примыкает сборник воспоминаний самого Николая Павловича и его близких, под названием «Николай I. Муж. Отец. Император», снабженный предисловием Н.И. Азаровой. К сожалению, тираж каждой из этих книг не превышает 4000 экземпляров.

Чем меньше мы знаем, тем больше нам кажется, что мы знаем все. Мы легко судим о своей истории, делаем выводы, даем оценки историческим личностям, не прочитав о них ни одной книги. Представляем дела прошлых веков по художественным фильмам, псевдонаучным телепередачам и уверены, что в истории все было именно так, как нам показали, поскольку телевизор дает зрителю иллюзию личного участия в событиях.

Декабристов принято любить и уважать, считать лучшей частью русского офицерства, образцом дворянской чести и беззаветной любви к Родине за то, что это были красивые благородные, романтичные молодые люди в офицерских мундирах с блестящими эполетами, за то, что они «хотели отменить крепостное право», за то, что эффектно и самоубийственно вышли на площадь.

Наша интеллигенция уважала и уважает декабристов потому, что ничего о них не знает. По той же причине она ненавидит и Николая I.

В 1825 году на стороне государя стояли такие же русские солдаты, как те, кого обманным путем вывели декабристы. А командовали ими русские офицеры с такими же эполетами, красивые, благородные и романтичные, с дворянской честью и любовью к Родине. Только у них честь, благородство и патриотизм были настоящими, а не выдуманными, как у декабристов. Николай I тоже хотел отменить крепостное право. И за время своего царствования сделал для этой благородной цели едва ли не больше, чем Александр II. При этом Николай I последовательными экономическими мерами ограничивал власть дворян. Об этом сейчас вообще не принято говорить, поскольку ярлыки уже давно изготовлены и прибиты – «Николай I был плохим царем, при нем крепостное право не отменили, был застой, а пришедший ему на смену Александр II был получше – начал перестройку и отменил крепостное право».

О русской армии при Николае I тоже принято говорить исключительно плохое, и только штампами: армия была отсталая, годилась лишь для парадов, форма была неудобная, ружья устаревшие, солдаты служили 25 лет, и их постоянно били.

Спросить любого – а в иностранных армиях, современных Николаю I, была какая-то принципиально другая военная форма, лучше русской? Кто-то вообще не сможет ответить, иные предположат, что она, конечно же, была лучше, потому что, по его убеждению, все иностранное всегда лучше, чем русское.

Почему люди считают, что при Николае I служили 25 лет, они, как правило, и сами не знают. И если им рассказать, что император Николай Павлович несколько раз сокращал срок солдатской службы, что к концу его царствования солдаты в гвардии служили 15 лет, а в армии 19, то они, скорее всего, просто не поверят. Потому что с детства затвердили цифру 25. И что Николай I вообще «плохой» царь.

А если вспомнить самого известного, для большинства, бесспорно, «хорошего» царя, сурового, но при этом какого-то близкого, родного и понятного Петра I и спросить, сколько лет солдаты служили при нем? Одни ничего не смогут ответить, другие назовут все те же мифические 25 лет. И мало кто поверит, что в петровскую эпоху солдатская служба была пожизненной…

Неизвестно почему, наверное, по незнанию, встречаются утверждения, что «после окончания наполеоновских войн почти сто последующих лет гвардейцы не участвовали в сражениях, за исключением Польской кампании 1831 года». Таким образом из истории гвардии «пропадают» целых пять войн, три из которых велись при Николае I. В одних гвардия принимала активное участие, в других воевали отдельные гвардейские части. И почему-то Польская кампания подается как что-то несущественное. Хотя это была большая, долгая, жестокая, кровопролитная схватка двух сильных многочисленных армий, всколыхнувшая всю Россию и всю антирусски настроенную Европу.

Почти любой скажет: «Николай I проиграл Крымскую войну». Более знающий уточнит: «Мы (Россия) воевали позорно и бездарно». Но никто не задумается, как же такая «бездарная» армия, испытывая нехватку хороших полководцев, имея ряд других несомненных недостатков, смогла в итоге выстоять тогда против всего мира? Почему лучшие армии Европы почти год бились за крохотный клочок земли, на котором находился Севастополь? Почему, когда враги, понеся огромные потери, с опаской вступили в полуразрушенный город, оставленный русскими, дальше они уже не пошли? Почему страны антирусской коалиции, которые, кстати, воевали ничуть не лучше русских, не достигнув в итоге ни одной из целей войны, находят в ней славные и героические страницы? Французам принадлежат лавры главных победителей, в современной Франции есть даже «Общество друзей Наполеона III». Англичане, которые за всю войну ни разу не добились серьезного успеха, воспевают свою атаку при Балаклаве – сражение, в котором победили русские, в котором цвет английской кавалерии погиб вследствие нелепо отданного или неточно переданного приказа командующего. Почему русские люди, знакомые с историей Крымской войны, преклоняются перед этой атакой английской легкой бригады и не хотят знать о доблести своих соотечественников, которые изрубили эту бригаду, подняли на штыки французских конных егерей и выиграли битву? Или им нравится изучать историю своей страны по иностранным художественным фильмам, где русские, по традиции, представлены в виде безликой трусоватой серой массы? или в виде карикатурных варваров-казаков?

Историк С.Н. Семанов писал: «Почему же до сих пор в наших учебниках продолжают твердить о „разгроме царской России“? Известно: в ходе войны Энгельс, в ту пору глава крупной фирмы в Манчестере, подрабатывал в английских и американских газетах, сочиняя статьи о ходе военных действий (не покидая, разумеется, пределов мирного Манчестера). Эти материалы далеки от объективности и проникнуты враждебностью к России, что отличало Энгельса всю жизнь. Ленин, который любил Россию не больше, чем учитель, повторил позже все основные выводы Энгельса. Так и доползло это до нас сквозь все времена и эпохи»[2].

Что мешает нам любить свою Родину, уважать своих предков и не мазать всю свою историю грязной черной краской? Почему в нашем представлении Российская империя все-

[2] Семанов С. Экзамен по практической истории // Родина. 1995. № 3–4. С. 150–151.

гда отсталая, дикая, темная и безобразная? Куда пропали все героические страницы Крымской войны и других войн, которые Россия вела при Николае I?

Эта книга позволит читателю лучше познакомиться с жизнью и службой в гвардии при Николае I, с Петербургом, который именно в его царствование получил наивысший расцвет как военная столица.

Петербург родился в ходе войны, много раз провожал своих солдат в поход, встречал с победой. Парады гвардии по торжественным дням, ежедневные разводы караулов, роты и батальоны, идущие на учения и с учений, выход гвардии в Красносельский лагерь и возвращение из него были непременной картиной петербургской жизни. Солдаты и офицеры составляли значительную часть населения столицы Российской империи.

Обстановка в гвардии накануне вступления на престол Николая Павловича, его командование гвардейскими частями в бытность великим князем, восстание декабристов, военные и мирные годы правления Николая I от восшествия на престол до Крымской войны, повседневная служба гвардии, смотры, парады и маневры, балы, театры и гулянья, великосветские салоны и солдатские казармы, жизнь офицера и простого солдата, их внешний облик, убеждения, прохождение службы, служебные занятия и досуги, эволюция Гвардейского корпуса, военный элемент, проникающий во все сферы городской жизни, и стоящий над всем этим император, его черты как личности, военного и государя, взаимоотношения с гвардией – вот неполный перечень освещаемых вопросов.

Первые три главы – «Было время (поверит ли кто сему)», «Пролить кровь некоторых и спасти почти наверное всё», «Война и мор, и бунт, и внешних бурь напор» – посвящены, соответственно, периоду 1818–1825 годов, восстанию 14 декабря 1825 года, периоду 1826–1831 годов. Следующие тринадцать глав посвящены не только мирному периоду 1832–1848 годов, но и темам, которые проходят через все николаевской царствование. Наконец, последняя глава «Весь Запад пришел высказать свое отрицание России» охватывает период с 1848 по 1855 год. Соответственно располагаются и иллюстрации в тексте. Наряду с городскими видами, портретами и жанровыми сценами это многочисленные рисунки формы одежды, которыми изобилует время Николая I. Главы, ограниченные историческими рамками, например 1818–1825 годов, содержат рисунки формы одежды именно этого периода. Главы, относящиеся ко всему царствованию, снабжены иллюстрациями, изображающими солдат и офицеров разных лет николаевской эпохи, от самых ранних до самых поздних. Цветные иллюстрации также охватывают все царствование.

Незнакомый большинству наших современников николаевский военный Петербург и, казалось бы, хорошо знакомый пушкинский Петербург – это один и тот же город, одно и то же время, один и тот же архитектурный облик, одни и те же события, одни и те же люди. Известные писатели, поэты, публицисты, художники, скульпторы, архитекторы, инженеры, ученые, которые сделали николаевскую эпоху золотым веком русской культуры, ходили по тем же петербургским улицам и площадям, по которым солдаты гвардии маршировали в строю, проходили по служебным делам или в увольнениях. Пушкинские современники бывали в тех же домах, бальных залах, театрах, на концертах, выставках, праздниках и гуляньях, обсуждали одни и те же события в стране и в мире, что и гвардейские офицеры и генералы.

Книга, написанная на основе военных мемуаров, не издававшихся после 1917 года и практически незнакомых нашим современникам, материалов историй полков, исторических исследований прошлых и недавних лет, богатого иллюстративного материала, позволяет не только погрузиться в атмосферу николаевского Петербурга, но и по-новому прочесть многие произведения русской классики, обогатить свои знания истории Петербурга и России, соединить известные факты с малоизвестными, которые много лет замалчивались и искажались. Наконец, хочется надеяться, что эта работа станет вкладом в дело восстановления

доброго имени императора Николая I, очищения его образа от клеветы и идеологических штампов. Настанет время, когда этот смелый, благородный, праведный государь и честный человек, настоящий русский патриот, займет достойное место в сознании наших соотечественников как пример истинной любви к Родине, беззаветного служения народу.

Глава 1
«Было время (поверит ли кто сему)…»

Главное и, если назвать вещи своими именами, преступное деяние Александра Благословенного – мятеж в декабре 1825 года. Конечно, ничего подобного он не хотел, и ход событий не режиссировал, но его отстраненность от дел управления, его желание «не говорить о плохом», а получать только «приятные известия», и привели к трагедии.
А.Н. Боханов. Николай I

Последние десять лет царствования Александра I стали для всех слоев русского общества временем чрезвычайно противоречивым. Отгремели военные залпы, позади была героическая эпопея 1812 года, освобождение Европы, взятие Парижа и отречение Наполеона. Русский народ с восторгом встречал свою армию, вернувшуюся из заграничных походов. Русский император находился на вершине славы, пожиная лавры главного победителя, спасителя Вселенной, царя царей.

Федор Николаевич Глинка, герой наполеоновских войн, адъютант, а затем офицер для особых поручений при столичном губернаторе М.А. Милорадовиче, через много лет отразил атмосферу гвардейского Петербурга первых послевоенных лет в «Стихах о бывшем Семеновском полку»:

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе – покой, в устах – «ура!»,
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр, и свеж,
Пристрастье к форме пригасало,
О палке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж…
Зато солдат, опрятный, ловкий,
Всегда учтив и сановит,
Уж принял светские уловки
И нравов европейских вид…
Но перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк,
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человечные манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.
Их не манил летучий бал

Бессмысленным кружебным шумом;
У них чело яснелось думой,
Из-за которой ум сиял…
Влюбившись от души в науки,
Забросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сгибаясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине…
Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин
И много было… Все прошло![3]

Как отмечает историк, «Империя, завершив череду победоносных кампаний, к 1816 году располагала сильнейшей в Европе армией. Солдаты привыкли к войне, но теперь Императору нужно было от них совсем иное: начиналась новая „игра в солдатики". Победителям Наполеона полагалось вновь уподобиться марширующим куклам. В действиях Александра все явственнее проявлялись жестокость и крайняя мнительность. Все более строгими становились мелочные требования к строевым навыкам и внешнему виду военных. Командирами полков все чаще назначались сторонники палочной дисциплины, поощряемой высшим начальством»[4].

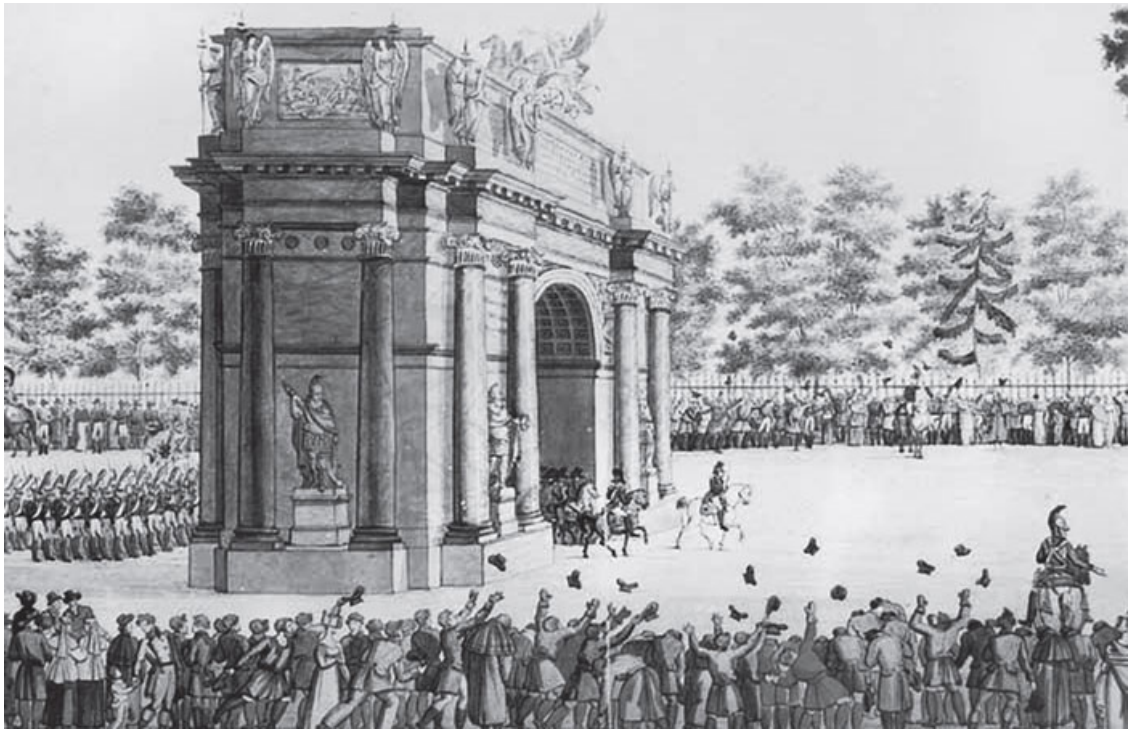
Хорошая строевая подготовка так же важна для армии, как и боевые навыки, особенно в войнах начала XIX века, где одно с другим неразрывно связано. В этих красивых и благородных войнах был свой порядок, своя тактика, совершенно не похожие на войны следующих веков. Ровные шеренги войск, четкое равнение рядов, мерное движение в ногу сплачивали солдат в бою, вселяли уверенность и твердость. Наступающие батальоны под огнем останавливались по команде для того, чтобы выровнять ряды. Даже при отступлении нужно было сохранять порядок, чтобы отойти непобежденными, несломленными. Когда в большом сражении рассеивался дым очередной схватки, и полководец с холма видел в трубу поредевшие, но сомкнувшиеся и ровно стоящие ряды своих солдат, он знал, что они выстояли и сохранили боеспособность. И напротив, расстроенные ряды, растерявшиеся боевые порядки, рассеянные толпы людей были несомненным признаком разгрома и поражения.

Но с наступлением мирного периода в русской армии начался сильнейший перекос в сторону шагистики. Вместо того, чтобы чередовать разные занятия, войска целыми днями совершенствовали «игру носков». Нередки были случаи, когда боевые офицеры, любимые солдатами, уходили в отставку, не выдержав новой атмосферы, а на первые роли выходили грубые, жестокие, мелочные истязатели солдат.

Александр I все меньше занимался управлением Россией и подолгу пропадал на заграничных конгрессах, пытаясь управлять Европой. Всю жизнь он был актером, и Россия представлялась ему скучной провинциальной сценой, а Европа – большим столичным театром, наполненным самым изысканным обществом ценителей искусства. Русский народ, очевидно, он считал своей собственностью, с которой можно делать все, что угодно. Завоевать любовь народов Европы, казалось ему, гораздо приятнее для самолюбия, а устройство европейского и мирового порядка важнее, чем проблемы своей страны.

[3] Петербург в русской поэзии. Л., 1988. С. 62–63.

[4] Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1997. С. 88.



Вступление гвардии в Петербург через Нарвские ворота. Гравюра И.А. Иванова (фрагмент). 1814 г.

Ф.Н. Глинка. Литография К.П. Беггрова. 1821 г.

В 1815 году в Париже стараниями Александра был подписан Священный союз России, Австрии и Пруссии. Через три года к нему присоединились Франция и Англия. Его высокопарный текст призывал монархов разных стран «почитать себя как бы единоземцами» и «как бы главами единого народа христианского». Смысл сводился к тому, чтобы уравнять и сблизить союзные страны посредством братского единства царей в деле служения христианским добродетелям и принципам законности, и помогать друг другу военной силой подавлять любые беспорядки и проявления беззакония. Идеализм и мистицизм Александра на долгие годы направили политику России на отказ от своих русских державных интересов во имя общеевропейских, а, по сути, частных корыстных интересов европейских стран. Свой огромный, великий, героический, талантливый и терпеливый русский народ император как бы принизил для уравнения с остальными народами.

Россия, разоренная, едва оправившаяся от наполеоновского нашествия, была отдана Александром I под присмотр преданного друга – графа Алексея Андреевича Аракчеева. По имени этой суровой, противоречивой, зловещей личности получила название целая эпоха – аракчеевщина, и ее деятели – аракчеевцы. По воле императора жестокий Аракчеев стал создавать военные поселения, где ради экономии государственных средств люди должны были совмещать военную службу и крестьянский труд. Русская армия, с ее рекрутской повинностью и большими сроками службы, оставалась в мирное время такой же многочисленной, как в военное, и постоянно требовала больших расходов. Бездушное, далекое от реальности и человеческих нужд воображение государя и угодливых преданных ему бюрократов представляло военные поселения в виде идеальной армии, которая не связана с народом и ничего не стоит казне и обывателям, поскольку сама себя кормит, одевает и воспроизводит. В районах, ставших военными поселениями, солдаты должны были в свободное от службы время заниматься крестьянским трудом, крестьяне – коллективно трудиться под надзором офицеров в поле, и на работах по переустройству местности, и тоже нести военную службу. Постепенно эти крестьяне и солдаты должны были слиться в одно военно-поселенное сословие.

Сигналист и барабанщик Л.-гв. Преображенского полка. 1819–1820 гг.

Как пишет историк, «энергия временщика сметала все преграды на пути устройства военных поселений. Резали, стригли, кроили живую плоть народного быта, кромсали веками сложившиеся представления о труде, жилье, одежде, воспитании детей…

Крестьяне сразу же смекнули, что новая система доведет их до сумы и до тюрьмы. Уже в самом начале устройства поселений взбунтовалась Русско-Высоцкая волость. Во время проезда через Новгородскую губернию великого князя Николая Павловича вышедшие из леса крестьяне загородили дорогу и слезно просили избавить их от проклятого новшества. Это произвело впечатление на самого Николая Павловича, но его державный брат заявил, что он предпочитает замостить трупами дорогу от Петербурга до Чудова, но не отказываться от любимой затеи»[5].

[5] Лапин В.В. Семеновская история. Л., 1991. С. 83.

В такой атмосфере происходило становление человека, которому предстояло почти тридцать лет царствовать в России под именем императора Николая I.

В 1817 году великий князь Николай Павлович был назначен генерал-инспектором по инженерной части и шефом Лейб-гвардии (далее – Л.-гв.) Саперного батальона. С 1818 года к этому добавилась должность командира 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии, куда входили Л.-гв. Измайловский и Егерский полки, а также Гвардейский флотский экипаж. По просьбе Николая моряков тут же поменяли местами с Л.-гв. Саперным батальоном. Любимые им саперы заняли место в его бригаде, а моряков перевели во вторую бригаду 2-й Гвардейской пехотной дивизии, хотя экипаж был старше, то есть насчитывал больше лет со дня основания. Назначив брата бригадным командиром, Александр вместе с матерью уехал в Аахен на Международный конгресс по созданию Союза пяти держав.

Император Александр I Литография Алексеева по гравюре К.П. Беггрова, после 1818 г.

Николай Павлович, тогда еще мало кому известный молодой человек 22 лет, принялся за дело командования со всей энергией молодости и со своим пониманием долга и ответственности, которые пронес через всю жизнь. Долгое время новый бригадный командир оставался на своем посту непринятым и непонятым. Его строгость вызывала недоумение вышестоящих генералов и озлобление подчиненных. Для людей опытных, прошедших многие сражения, не мог быть авторитетом великий князь, не участвовавший в войнах и получивший генеральские эполеты по праву рождения. Другие, такие же молодые, как сам Николай Павлович, глядя на старших, не хотели серьезно заниматься службой под его командованием. И если позицию старших можно было объяснить заслугами в боях, привычкой к походной жизни, которая снижает дисциплину и соблюдение уставных требований, то не имевшая заслуг молодежь просто пыталась самоутвердиться. Наиболее дерзкие подчеркивали это своим поведением, отчего возникали конфликты.

Гораздо лучше к Николаю Павловичу относились офицеры и солдаты Л.-гв. Саперного батальона. В отличие от старинных Измайловского и Егерского полков, батальон был недавно сформированной гвардейской частью, держался скромно и ценил заботу своего шефа. Великой князь привязал саперов к себе, вникая во все их нужды, стараясь улучшить условия их жизни, награждая нижние чины за успехи деньгами и винной порцией из своих средств. Обучение батальона строевой подготовке, стрельбе, саперным работам проходило под его личным надзором.

Через несколько лет Николай Павлович так описывал время своей службы: «…Где мне наинужнее было иметь наставника, брата-благодетеля, оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью.

Я начал знакомиться со своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего Государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были твердо в нас влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками…

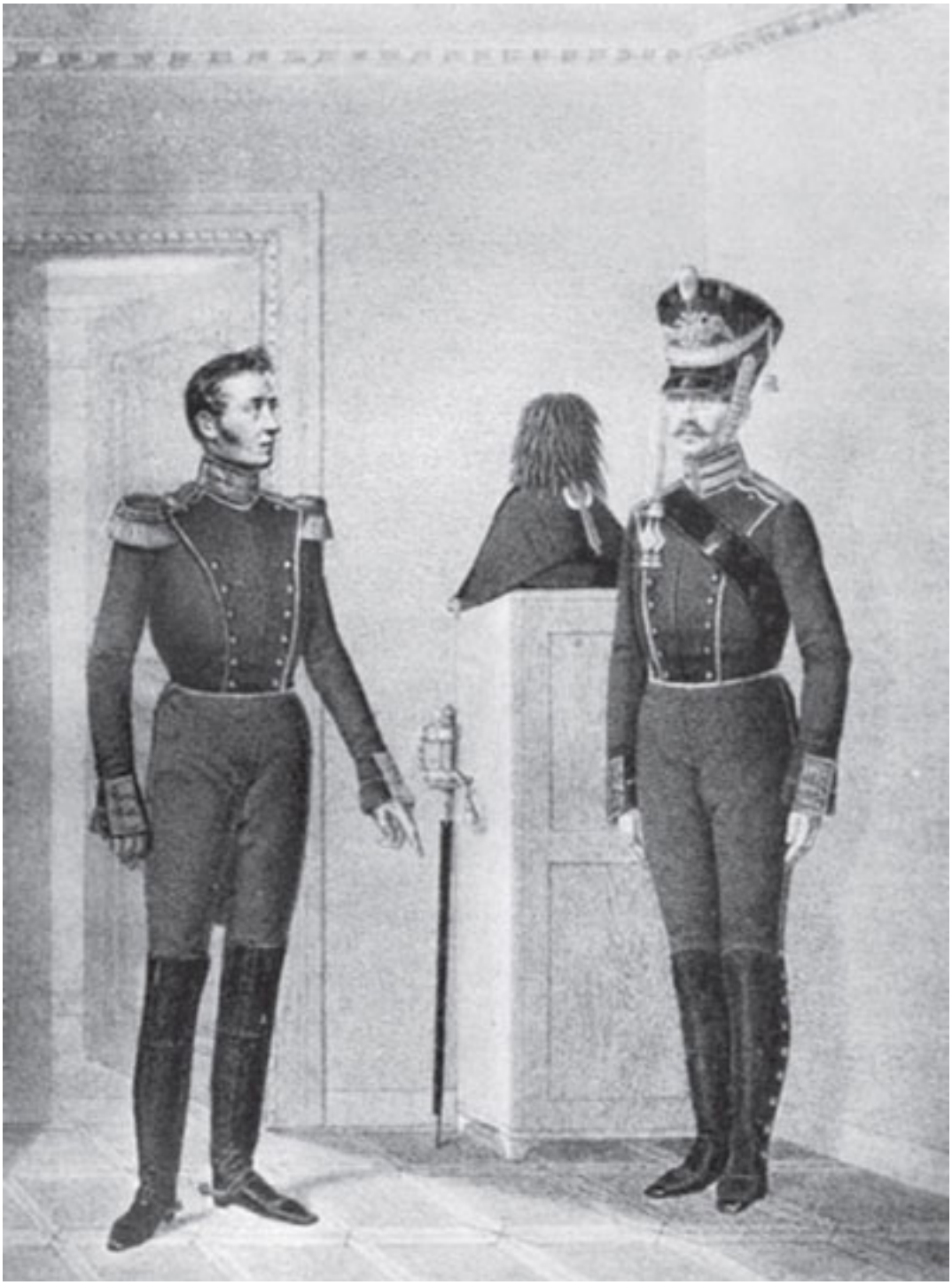
Великий князь Николай Павлович. Гравюра Жоно с литографии Беннера

В сие-то время и без того расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

Штаб-офицер Л.-гв. Измайловского полка. 1817–1825 гг.

…По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, то есть военным распутством, крылось что-то важное; и мысль сия у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих, и на решительно дурных, то есть говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался [от] оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей,

коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось»[6].



Штаб-офицер и рядовой Л.-гв. Егерского полка в 1819–1822 гг.

[6] Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 45.

Минер Л.-гв. Саперного батальона в 1817–1819 гг.

Гренадеры Л.-гв. Семеновского и Измайловского полков в 1824–1825 гг.

Равновесия ради здесь можно привести мнение и другой стороны. Николай Иванович Лорер, боевой офицер, участник заграничных походов, ставший после войны членом тайных обществ и масонских лож, служил с 1819 по 1822 год в Петербурге в Л.-гв. Московском полку. Разумеется, как декабрист, он не мог ничего хорошего сказать о Николае Павловиче, но его воспоминания, в которых заметен литературный талант, хорошо передают атмосферу того времени, хотя и несколько тенденциозно: «Тогда Гвардейский корпус был во всем своем блеске. Полки, наполненные молодежью, по возвращении своем из Парижа, увидели в рядах своих новое поколение офицеров, которое начинало уже углубляться в свое назначение, стало понимать, что не для того только носят мундир, чтобы обучать солдат

маршировать да выправке. Все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному. Молодежь много читала, стали в полках заводить библиотеки…

Я тогда знал многих образованных людей между офицерами гвардейских полков, в особенности же их много было в Семеновском, Измайловском и нашем Московском… Полки, очевидцы доблестных подвигов наших начальников, стяжавшие себе бессмертную славу на полях Бородина, Кульма и многих других, где дралась гвардия, любили и уважали своих командиров.

Служба мирного времени шла своим чередом, без излишнего педантизма, но, к сожалению, этот порядок вещей скоро стал изменяться.

Оба великих князя, Николай и Михаил, получили бригады и тут же стали прилагать к делу вошедший в моду педантизм. В городе они ловили офицеров; за малейшее отступление от формы одежды, за надетую не по форме шляпу сажали на гауптвахту… Приятности военного звания были отравлены, служба всем нам стала делаться невыносимой. По целым дням по всему Петербургу шагали полки то на ученье, то с ученья, барабанный бой раздавался с раннего утра до поздней ночи. Манежи были переполнены, и начальники часто спорили между собой, кому из них первому владеть ими, так что принуждены были составить правильную очередь.

Парад в честь второй годовщины вступления русских войск в Париж. Акварель И.А. Иванова. 1816 г.

Унтер-офицер Л.-гв. Семеновского полка в 1817–1825 гг.

Оба великих князя друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат. Великий князь Николай даже по вечерам требовал к себе во дворец человек по сорок старых ефрейторов; там зажигались свечи, люстры, лампы, и его высочество изволило заниматься ружейными приемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не раз случалось, что и великая княгиня Александра Федоровна, тогда еще в цвете лет, в угоду своему супругу, становилась на правый фланг сбоку какого-нибудь усача-гренадера и маршировала, вытягивая носки.

Старые полковые командиры получили новые назначения, а с ними корпус офицеров потерял своих защитников, потому что они одни изредка успевали сдерживать ретивость великих князей, представляя им, как вредно для духа корпуса подобное обращение со служащим лицом. Молодые полковые командиры, действуя в духе великих князей, напротив,

лезли из кожи, чтобы им угодить, и таким образом мало-помалу довели дело до того, что большое число офицеров стало переходить в армию»[7].

В октябре 1820 года Петербург потрясла Семеновская история – стихийное выступление солдат Л.-гв. Семеновского полка, доведенных до отчаяния патологической жестокостью полкового командира полковника Федора Ефимовича Шварца. Свирепый и недалекий армейский выходец, любимец Аракчеева, получивший в командование славный Гвардейский полк, Шварц не просто изводил солдат ежедневной муштрой. Он издевался, унижал, бил своих подчиненных, делал их жизнь невыносимой, ставил невыполнимые условия, выдумывал все новые и новые требования, чтобы иметь возможность наказывать снова и снова. В непрерывных учениях и подготовке к ним солдаты не имели ни отдыха, ни сна, и стремительно разорялись. Обмундирование и амуниция стараниями Шварца быстро приходили в негодность, а времени заработать денег на «вольных работах» у солдат больше не было. Даже если великие князья Николай и Михаил, известные своей строгостью, говорили на смотрах, что Семеновский полк великолепен, то после смотра Шварц осыпал семеновцев бранью и кричал, что полк никуда не годится. Семеновских офицеров, которые сочувствовали солдатам и жаловались на своего командира высшему начальству, мстительный Шварц преследовал по службе.

[7] Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 56–58.

Пехотный генерал в 1817–1825 гг.

После очередного издевательства Шварца над солдатами нижние чины 1-й Гренадерской роты составили жалобу высшему начальству с весьма умеренным требованием отменить жестокий режим и частные неуставные смотры Шварца, убрать его из полка и улучшить пошатнувшееся материальное положение нижних чинов. Полковые офицеры отнеслись к этому с сочувствием, но вышестоящие генералы проявили неумение действовать в подобных ситуациях – не давая солдатам выговориться и требуя «выдать зачинщиков», они только накаляли обстановку. Вся рота была арестована силами солдат Л.-гв. Павловского полка и отконвоирована в Петропавловскую крепость.

Император Александр I. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

К началу следующего дня, 18 октября, взбунтовался весь полк, требуя вернуть «государеву роту». Солдаты толпились на полковом дворе, не желая ни строиться, ни расходиться, обещали принять любое наказание, лишь бы только был удален Шварц и возвращена рота. Увещевания даже самых любимых и популярных в солдатской среде генералов – М.А. Мило-

радовича, К.И. Бистрома, бывшего семеновского командира Я.А. Потемкина – не имели успеха. Тогда полк был со всех сторон окружен частями Гвардейской пехоты, кавалерии и даже артиллерии, и вслед за государевой ротой отправлен в Петропавловскую крепость, а оттуда в Кексгольм и Свеаборг. Семеновские офицеры, которым предстоял перевод в армию, сопровождали наказанных солдат, старались облегчить их дорожные тяготы и тратили на это свои личные средства.

Великие князья Николай и Михаил были еще очень молоды: первому было 24, второму – 22 года; оба они еще не имели веса и влияния, во время Семеновской истории это были просто молодые командиры, недовольные бунтом. Николай Павлович всегда любил и уважал солдат, но не мог этого показать при жизни Александра I, который не терпел начальников, популярных в солдатской среде. Навязанная Николаю незначительная роль, насмешливо-снисходительное отношение старших братьев, атмосфера всеобщего лицедейства, царившего в высших сферах, выработали у него привычку таить свои чувства, чтобы защититься в этой среде. Он выбрал себе образ простого заурядного служаки, солдафона. По этой причине он и был вначале не принят войсками, и этим воспользовались декабристы. Из нелюбимого бригадного командира Николаю Павловичу еще предстояло стать для солдат и офицеров «верховным вождем» и «обожаемым отцом», как его называли позже, когда он стал императором.

Еще долгое время после Семеновской истории Петербург напоминал военный лагерь. Войска пребывали в боевой готовности, стояли усиленные караулы, двигались разъезды, были подняты на ноги полиция и жандармы, во всем городе царило волнение, страх и неопределенность.

Вначале солдаты надеялись, что государь простит свой любимый полк и вернет его в столицу. Почти все гвардейские офицеры, кроме высшего начальства, были того же мнения и собирались написать коллективное письмо на высочайшее имя. Но Александр разогнал семеновцев по армейским полкам и сформировал новый Л.-гв. Семеновский полк, с правами Молодой гвардии. Он мог бы взять для этого роты или даже целые батальоны из других полков гвардии, как это делалось раньше для новых формирований. Но император считал, что весь Гвардейский корпус заражен духом неповиновения. Для нового полка отделили роты из полков армейских гренадер. Этот заново набранный Семеновский полк, не имевший ничего общего со старым, гвардия долгое время не хотела воспринимать всерьез, солдаты других полков не видели в новых семеновцах своих товарищей, новые семеновские офицеры не были приняты в петербургском обществе.

Донесения тайных агентов, которые пересказывали солдатские разговоры в казармах, банях и кабаках, показывали крайнее недовольство во всех гвардейских полках, сочувствие семеновцам, обиду, разочарование и злость на самого императора Александра I, неблагодарного и равнодушного к солдатам, спасшим Россию от наполеоновского нашествия.

Постепенно жизнь в столичном гарнизоне вошла в мирное русло, наступила видимость спокойствия. Начальство страшилось повторения «семеновской истории», обращение с солдатами в столице стало гуманнее, а солдаты чувствовали этот страх командиров.

В марте следующего, 1821 года Александр повелел Гвардейскому корпусу выступить в поход через прибалтийские губернии на запад, в Литву и Белоруссию. Он хотел «проветрить» гвардию в походе и искоренить волнения среди солдат и офицеров. Ему доносили, что многие офицеры высказывают критические мысли, среди солдат ходит недовольство и что они только ждут новой войны, чтобы выдать государя неприятелю.

В это время греки под руководством Александра Ипсиланти вели освободительную борьбу против турецкого владычества. Русское общество сочувствовало Греции и считало исторической миссией России помощь единоверцам в деле избавления от врага. Но русский государь войну Турции не объявлял, а во время выступления гвардии из Петербурга турки

уже добивали греческих повстанцев. Александр I, верный заветам Священного союза, собирался помогать не грекам, а австрийцам, против власти которых восстал итальянский Пьемонт. Эта война могла стать одной из самых непопулярных в России, но австрийцам удалось подавить восстание, не дожидаясь русских. 16 июля в Белоруссии полкам было объявлено, что никаких военных действий Россия начинать не будет. Однако этот поход в честь вызвавших его европейских событий получил ироничное название «Итальянского похода».

Кавалерийский генерал-адъютант в 1814–1825 гг.

Гвардия была остановлена в западных губерниях, полки размещены по захолустным бедным деревням как можно дальше друг от друга. Так проходил месяц за месяцем. Изнива-

ющие от скуки офицеры в поисках развлечений ездили в провинциальный Минск, наполняя все дома, где были танцы или карточная игра. 17–18 сентября в Бешенковичах были проведены высочайший парад и маневры. Параду придавалось огромное значение, к нему готовились особенно тщательно. После «семеновской истории» император был недоволен всей гвардией. Парад и маневры прошли успешно, затем Гвардейский корпус на берегу Двины дал императору и великим князьям богатейший обед. Александр I выразил свое удовольствие, был любезен, пожаловал много наград, и гвардейцы надеялись, что монарший гнев прошел и что скоро государь, отлучивший их от столичной жизни, прекратит это наказание и вернет полки в казармы. Император предпочел оставить гвардию зимовать в глуши западных губерний и только летом следующего 1822 года возвратил полки в Петербург.

Александр I все больше отдалялся от государственных дел. Как пишет историк А.Н. Боханов, «все делалось как-то бессистемно, впопыхах, до полного самоотрицания. Давались обещания, оглашались широковещательные декларации вплоть до отмены крепостного права и введения конституции. На практике же не делалось ровным счетом ничего не только для утверждения нового, но для поддержания уже существующего. Все погружалось постепенно в какое-то безразличное оцепенение. Атмосфера безысходности и мрака – знаки последнего периода правления Александра Павловича»[8].

Император не хотел думать о преобразовании России, о своем народе, а вершить европейские дела не мог. Постепенно к нему приходило понимание, что Европа нуждалась в нем лишь тогда, когда он со своей армией освобождал ее от Наполеона. На исходе своего царствования государь увлекся мистицизмом и бесплодными духовными исканиями, говорил своему окружению, что устал от многолетних трудов и хочет оставить престол. После роли героя-триумфатора он играл роль царственного мистика, утомленного жизнью, скрытного, загадочного, отрешенного от насущных проблем, будто бы углубленного в думы о мировом устройстве или о вечности. Его преследовали неприятные воспоминания, муки совести, образ отца, убитого с его согласия.

[8] Боханов А.Н. Николай I. М., 2008. С. 86.

Великий Князь Константин Павлович. Неизв. худ. После 1817 г.

Словно в наказание за обстоятельства, сопутствующие восшествию на престол, Александр I не имел наследников по прямой линии. Его официальным наследником считался следующий по старшинству брат – цесаревич Константин Павлович, который был всего на два года моложе императора. Но Константин, во-первых, не имел ни малейшего желания царствовать; во-вторых, после войны прочно обосновался в Варшаве, и женился по любви на особе не царского рода, простой польской дворянке, принявшей титул княгини Лович. Брак был бездетным, но если бы у них и родились дети, то они все равно не имели бы прав на престол.

Летом 1819 года Александр I в частной беседе объявил третьему брату, Николаю, что хотел бы видеть наследником его. Николай Павлович, серьезный молодой человек и отличный семьянин, имевший уже сына, как нельзя лучше подходил на эту роль. Однако дальше этого разговора с Николаем и его женой и тайного завещания дело не пошло. Официальным наследником по-прежнему считался Константин, хотя ради своей женитьбы он добровольно отказался от прав на престол. Николая к государственным делам не допускали, никаких официальных документов о наследовании престола не показывали.

По замечанию видного русского историка В.О. Ключевского, «ничем разумным нельзя объяснить таинственность, в какую облечено было распоряжение о престолонаследии».

Литератор того времени Николай Иванович Греч таким образом пытался объяснить странное поведение Александра I по отношению к двум наследникам – официальному и настоящему: «Он боялся иметь наследника, который затмил бы его в глазах и мнении народа, как он, конечно, без всякого умысла, затмил своего отца. Соперничества Константина он не боялся – цесаревич не был ни любим, ни уважаем, и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не будет. Александр боялся превосходства Николая и заставил его играть жалкую и тяжелую роль бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной части, совсем неважной в России»[9].

Исходя из мнительного, недоверчивого, себялюбивого характера Александра и его безответственности в государственных делах, эта точка зрения поддерживается и современными историками.

Есть мнение, что Александр действовал не по своей воле, а находился под влиянием придворных кругов во главе с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая намеренно собиралась завести династическую ситуацию в тупик, чтобы самой получить престол. Мысль о троне впервые посетила ее еще в 1801 году при убийстве Павла. Скорбь по убитому супругу не помешала стремлению вдовы занять его место на вершине власти, но эта попытка окончилась неудачей. Денис Давыдов, собирая рассказы очевидцев событий той памятной ночи в Михайловском замке, иронично отметил: «Марию Федоровну, порывавшуюся играть роль Екатерины II, осадили»[10].

[9] Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 174.

[10] Давыдов Д.В. Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове // Денис Давыдов. Дневник партизанских действий. Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. М., 1985. С. 216.

Великий князь Николай Павлович. Акварель П.Ф. Соколова. После 1819 г.

Императрица-мать Мария Федоровна в трауре. Худ. Д. Доу. 1825–1827 гг.

К середине 1820-х годов вдовствующая императрица имела свою партию, состоявшую из владельцев Российско-Американской компании. Эти влиятельные и предприимчивые люди надеялись, что, сев на трон, Мария Федоровна будет править в интересах компании, способствовать росту ее прибыли. По странному совпадению, небезызвестный Кондратий Федорович Рылеев, один из вождей Северного общества декабристов, служил в этой компании и занимал казенную квартиру в ее здании на набережной Мойки. У него на квартире заговорщики много раз собирались накануне восстания и обсуждали свои планы. Рылеев и некоторые из его товарищей по заговору были держателями акций компании.

Александр I неоднократно получал сообщения о том, что в России существуют тайные общества и зреет заговор против монархии, но не делал почти ничего для его раскрытия, как будто ничто земное его уже не касалось.

19 ноября 1825 года император скончался в Таганроге. 27 ноября это стало известно в Петербурге, чуть раньше – в Варшаве. Внезапная смерть царя, ушедшего в возрасте 48

лет, в расцвете сил и здоровья, породила массу слухов и вызвала беспокойство в народе. В Петербурге был вскрыт и прочтен в Сенате тайный манифест Александра, где он высказывал свою волю – назначить наследником Николая. Однако сильная и влиятельная группировка высших лиц армии и государства, во главе которой стоял петербургский генерал-губернатор Михаил Андреевич Милорадович, заявила, что «покойники воли не имеют», и потребовала соблюдения буквы действующего в России закона о престолонаследии, согласно которому на трон должен был садиться Константин. Милорадович был выразителем интересов тех кругов, которые не любили и не уважали Николая, и в качестве императора хотели видеть Константина. Генерал-губернатор, похваляясь своим влиянием в гвардии, произнес тогда знаменитую фразу: «У кого 60 000 штыков в кармане, тот может говорить смело». Весь Петербург, начиная с великого князя Николая Павловича и гвардии, присягнул «императору Константину».

М.А. Милорадович. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

Его величество император Константин Первый. Гравюра неизв. худ. 1825 г.

Николай, как человек честный и порядочный, должен был соблюсти закон. Безответственность Александра помешала ему сразу занять престол. Он был вынужден начать переписку с Константином, убеждая его приехать в Петербург и подтвердить свое отречение. Вспыльчивый Константин, категорически не желая царствовать, опасался, что в Петербурге его силой посадят на трон или задушат, как задушили его отца, и отвечал, что если будут слишком настаивать на его прибытии в Петербург, то он уедет из Варшавы еще дальше. Письма Константина носили частный характер и не могли быть официальным отречением. Огромная страна день за днем оставалась без монарха, еще не подозревая об этом. В Петербурге появились гравированные портреты цесаревича с надписью «Император Константин Первый». Монетный двор приступил к чеканке новых рублей с характерным курносым профилем Константина. Затянувшееся междуцарствие грозило беспорядками и смутой. Николай Павлович не рвался к власти, а должен был получить свое тяжелое наследство с соблюдением всех законных формальностей.

Наконец 12 декабря из Варшавы пришли официальные бумаги. Но это не был манифест об отречении, поскольку Константин ни одной минуты не считал себя императором, несмотря на официальное провозглашение и принесенную ему в Петербурге присягу. Тогда

решено было опубликовать манифест о восшествии на престол Николая с указанием воли Александра и приложением письма Константина о своем отречении. Поздней ночью 13 декабря Николай Павлович собрал чрезвычайное заседание Государственного совета и объявил о своем восшествии на престол в манифесте.

Еще 12 декабря будущий император получил из Таганрога известия от генерала И.И. Дибича о заговоре офицеров на юге. Были названы многие имена заговорщиков. В тот же день к Николаю Павловичу явился член тайного общества подпоручик Л.-гв. Егерского полка Яков Иванович Ростовцев, также с предупреждением о заговоре, о Северном и Южном обществах, о том, что во время присяги готовится бунт гвардейских частей, об угрозе смуты по всей России и распада государства.

Николай Павлович распорядился начать аресты заговорщиков, но генерал-губернатор М.А. Милорадович ничего не предпринял.

На 14 декабря 1825 года была назначена присяга императору Николаю I. Этот день, вошедший в историю как день восстания декабристов, день, о котором написаны целые книги, известен, казалось бы, по часам и чуть ли не по минутам, но до сих пор содержит загадки и вопросы без ответов.

Великий князь Николай Павлович. Неизв. худ. Около 1820 г.

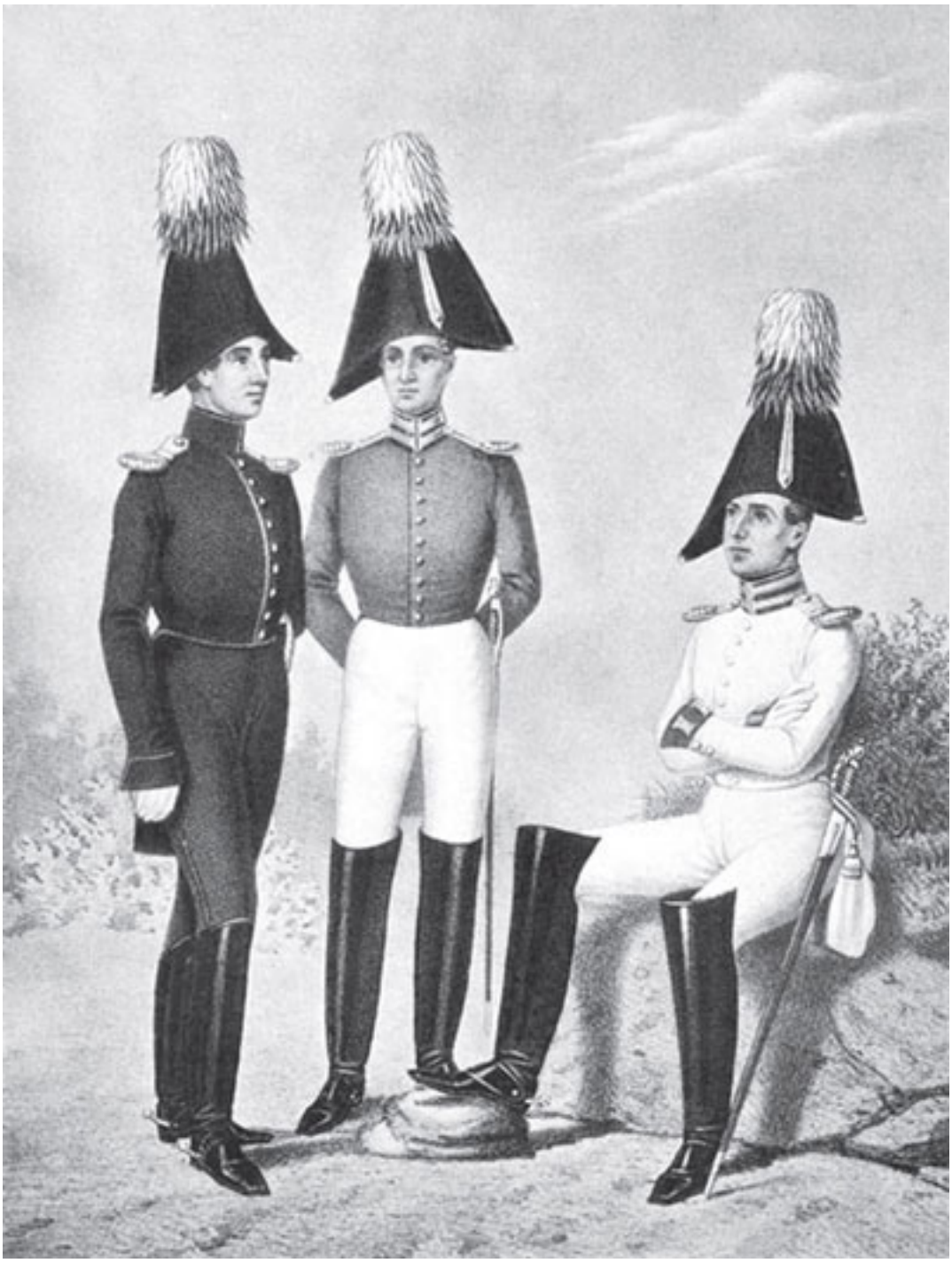
Обер-офицер Кавалергардского полка. Худ. А.И. Зауэрвейд. 1820-е гг.

Тайные общества офицеров-дворян, ставившие целью свержение или ограничение монархии и захват власти в свои руки под красивыми лозунгами отмены крепостного права и всеобщей свободы, существовали в России уже девять лет. За это время никто из этих господ не отпустил на волю своих крестьян, хотя мог бы сделать это без всякой революции. Е.И. Якушкин, отпустивший несколько человек, стал редким исключением. Далеко не каждый из них мог похвастаться и гуманностью к солдатам. Да и нигде в Европе они не видели такого общества и государственного устройства, которое можно было взять за образец. Франция после ужасов революционного террора не имела ничего против воцарения Наполеона, а после череды кровопролитных наполеоновских войн, унесших цвет нации, на трон вернулась династия Бурбонов. Республика с ее реками крови осталась в прошлом, как ужасный сон. В остальных странах были монархии и крепостное право. В Англии крестьян законным

порядком сгоняли с земли, лишали собственности, превращая в нищих бесправных заводских рабочих, официально свободных, фактически – рабов.

Вопрос, кто подсказал русским офицерам-вольнодумцам свергнуть монархию, и к тому же не во время национального унижения, а в момент, когда Россия находилась на вершине военной славы и политического могущества, остается открытым.

Бесспорно, это были те, кому большая и сильная Российская империя была не нужна. Примечательно, что среди самых видных декабристов немало было тех, кто обучался в заграничных иезуитских пансионах. Вряд ли их там учили любви к России и русскому народу. Многие в свое время успели побывать и в модных тогда масонских ложах, где западные учителя прививали им идею отречения от русского патриотизма ради неких высших мировых ценностей. Атмосфера таинственности, избранности, перспективы подпольной карьеры привлекали дворянскую молодежь. Русские дворяне становились орудием для масонских главарей, прививавшим им такие «доблести», как ложь, предательство, интриги, под прикрытием красивых слов о свободе.



Обер-офицеры Кавалергардского, Л.-гв. Конного и Л.-гв. Кирасирского полков, 1814–1825 гг.

Через несколько лет после восстания Александр Сергеевич Пушкин, работая над X главой «Евгения Онегина», которая так и осталась неоконченной, собирался отразить в ней бунт Семеновского полка, деятельность тайных обществ и восстание декабристов. Сохранились только отрывки, но и в них за каждым словом стоят исторические факты и личные впечатления.

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,

Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей[11].

Имеется в виду Л.-гв. Семеновский полк, основанный еще Петром Великим. В ночь покушения на императора Павла, с 11 на 12 марта 1801 года, семеновцы занимали караул в Михайловском замке и пропустили убийц. Большинство офицеров полка состояло в заговоре, а шефом семеновцев был наследник Александр, с согласия которого и совершилось убийство.

Далее следует упоминание о собраниях, в которых участвовал сам Пушкин, у офицера Генерального штаба Никиты Муравьева, декабриста, который за свою активность попал на каторгу, и у Ильи Долгорукова, который вовремя отошел от участия в тайных обществах и не получил наказания. Пушкин за свои дерзкие юношеские стихи в 1820 году был отправлен в ссылку и вернулся в Петербург только в 1827. В следующих строках незаметно никакого восхищения заговорщиками, напротив, чувствуется ирония возмужавшего человека по поводу витийства, то есть бесконечной болтовни молодых людей, самоуверенных и разгоряченных алкоголем:

У них свои бывали сходки
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
<…>
Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
<…>
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследую свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Сначала эти разговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука,

[11] Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. Л., 1975. Т. 4. С. 177.

Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов[12].

Гвардейский кавалерийский адъютант в 1815–1825 гг.

Далее следуют сроки, многие их которых не дописаны, но об их содержании можно догадаться. Написанный блестящим стихотворным языком художественный обзор полити-

[12] Там же. С. 178–180.

ческой обстановки в России накануне восстания обрывается на словах, характеризующих позицию Александра I: «Наш царь дремал».

К 1825 году многие из старых членов тайных обществ уже постепенно отходили от дел, успокаивались, но молодые, особенно несостоявшиеся в жизни, жаждали самовыражения и продолжали призывать к цареубийству. Ростовцев предупредил своих товарищей по обществу, что их планы уже известны властям, и уговаривал не начинать бунта. Но заговорщики не собирались останавливаться. Как отмечают исследователи: «Неожиданная смерть Александра (ранее всех сроков, намечавшихся заговорщиками) спутала все карты. Мятежники оказались перед выбором: либо выступать немедленно, либо отложить это на долгие годы, а может – навсегда. В силу инерции приняли решение действовать. Все происходившее вокруг говорило о неподготовленности: многие „активисты" прямо или косвенно дали понять о своем отказе; кто-то уехал из Петербурга. Но сила инерции, глупой и непродуманной, толкнула заговорщиков на площадь.

«Наш ангел на небесах». Портрет императора Александра I работы О. Кипренского по бюсту работы Б. Торвальдсена

Не надо говорить: декабристы не прагматики и их заслуга просто в том, что они – первые. На самом деле, первый – не значит умный, так как умный человек поступает соответственно обстоятельствам. И это верно для всякого времени.

Разве не видно было, что те, старшие товарищи… уже наигрались в революционный максимализм и переболели революционной горячкой?

…Разве не видно было, что в „тайное общество" принимались люди случайные, некоторые не только за несколько недель, но даже за несколько дней до выступления. Причем

принимали их всякими способами: от откровенных разговоров – до обмана, от убеждения – до запугивания.

… В любом случае очевидно, что если отбросить личные устремления и надежды заговорщиков, то окажется, что они боролись не против господства своего класса, а только за изменение формы этого господства»[13].

[13] Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. М., 2001. Книга первая. С. 22–23.

Глава 2
«Пролить кровь некоторых и спасти почти, наверно, всё»

Ранним утром 14 декабря 1825 года полковые командиры и весь столичный генералитет лично присягнули новому императору в Зимнем дворце и отправились по вверенным им гвардейским частям приводить к присяге солдат и офицеров. В это время и заговорщики начали выполнять свои задачи, каковыми были: агитация в казармах против присяги Николаю I, поднятие полков на восстание именем Константина, объявление своей воли Сенату, арест или убийство императора Николая. Что именно объявлять и что делать дальше – единого мнения не было, а многие не знали вообще. Даже по такому архиважному вопросу, как будущая форма правления в России, одни заговорщики выступали за республику и убийство всей царской семьи, включая детей, другие – всего лишь за ограничение императорской власти. После нескольких лет бесконечных разговоров и неспешного создания двух противоречащих друг другу конституций, которые так и не были закончены, вдруг, неизвестно откуда, появился некий радикальный манифест, переписанный рукой Трубецкого и Рылеева. Не все члены общества читали его, а из тех, кто читал, не все были с ним согласны.

Даже вожди не были уверены в успехе, и высокопарными фразами призывали друг друга красиво погибнуть за свободу. Даже офицеры-заговорщики не все были посвящены в суть программы и некоторые думали, что отстаивают право на престол законного императора Константина. Солдатам же декабристы вообще не собирались говорить ни слова правды.

С самого утра революционный план стал разваливаться – одни члены Северного общества устранились, поняв, что началась слишком опасная игра, другие повели себя не так, как обещали, третьи просто не смогли выполнить своих задач. Каждый ответственный за выступление той или иной воинской части боялся оказаться в одиночестве и ждал верных известий о выступлении других. Ожидаемого бунта большинства столичного гарнизона не получилось.

Штабс-капитаны Л.-гв. Московского полка князь Д.А. Щепин-Ростовский и Михаил Бестужев и генеральский адъютант штабс-капитан Александр Бестужев пришли в казармы московцев и с помощью грубого примитивного обмана взбунтовали простых солдат, сыграв на их чаяниях. Заговорщики объявили, что «добрый царь» Константин хочет уменьшить срок солдатской службы и вообще всячески облегчить жизнь солдат, поэтому Николай не пускает его на престол, что воцарение Николая грозит солдатам неисчислимыми бедствиями и каждого, кто присягнет Николаю, ждет суровое наказание при появлении Константина. После споров, угроз, свалки, борьбы за знамя и избиения генералов заговорщикам удалось вывести из казарм несколько рот, которые они привели на Сенатскую площадь. Сенат уже успел присягнуть новому государю, сенаторы разъехались, и офицерам-бунтовщикам ничего не оставалось, как стоять на площади у знаменитого памятника Петру I – Медного всадника, и ждать подхода других восставших частей. Солдат-московцев они построили в каре (боевое построение в виде четырехугольника, способное отражать атаки со всех сторон).

Сенатская площадь, акварель 1820-х гг.

Услышав известие о мятеже, император Николай I получил доказательство обширного заговора против власти. Немедленно взяв себя в руки, он начал отдавать приказания. Ситуация была непонятной, масштабы заговора неизвестны, многие генералы не проявляли решительности, занимая выжидательную позицию. Заговорщиком мог оказаться каждый. Все зависело от выдержки и самообладания молодого 29-летнего монарха, который надеялся только на себя и немногих верных людей, какими были генералы А.Ф. Орлов, А.Х. Бенкендорф, В.В. Левашов, К.Ф. Толь, и чуть позже прибывший в Петербург великий князь Михаил Павлович.

Рядовые Л.-гв. Московского, Гренадерского и Павловского полков. 1817–1825 гг.

Николай I повелел уже присягнувшим ему частям – 1-му батальону Л.-гв. Преображенского полка, Л.-гв. Конному и Кавалергардскому полкам – двигаться к Сенатской площади. Первым войском, которое приветствовало его как императора, была стоявшая в карауле во дворце 6-я рота Л.-гв. Финляндского полка. Построив финляндцев у главных дворцовых ворот, он послал приказ Л.-гв. Саперному батальону прибыть для охраны прочих выходов из дворца. Уходя, император оставил на попечение караула своего сына и наследника, семилетнего Александра, со словами: «Я не нуждаюсь в вашей защите, но его я вверяю вашей охране». Позже этот момент был отражен в одном из барельефов на постаменте памятника государю.

На Дворцовой площади его окружила толпа простонародья, не посвященная в интриги высших кругов. Николай Павлович спросил людей, читали ли они его манифест о восшествии на престол. Услышав, что не читали, он взял экземпляр и сам начал читать его народу, громко и внятно, поясняя непонятные слова. После чтения император подвел итог: «Теперь вы видите, что я не отнимаю престол у брата». Толпа закричала «ура», стала бросать в воздух шапки, все порывались целовать государя. Растроганный, он поцеловал ближайших со сло-

вами «Не могу поцеловать вас всех. Вот вам за всех», и народ начал передавать друг другу царские поцелуи.

Подошел 1-й батальон преображенцев, и государь, не имея рядом никого, кому можно доверить эту, пока единственную верную часть, сам повел батальон в сторону Сената, где к тому времени построились мятежники.

Великий князь Николай Павлович. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

Началось долгое стояние. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади рядом с обманутыми солдатами стояли не вожди Северного общества, не его многочисленные | Великий князь активные члены, а всего лишь несколько малозначительных фигур, молодые обер-

офицеры и штатские. Диктатор восстания, штабной полковник князь С.П. Трубецкой, боевой офицер, участник наполеоновских войн, так и не появился на площади. Храбрость, неоднократно проявленная в боях, на сей раз ему изменила. Некоторое время он кружил, терзаясь переживаниями, вблизи площади, побывал в Главном штабе и присягнул императору Николаю, затем, уже в полном смятении, забрел в дом своей сестры, графини Потемкиной, где его вечером нашли лежащим в обмороке. Главный идейный руководитель, поэт и отставной артиллерийский подпоручик К.Ф. Рылеев, видя как на Сенатскую прибывают полки, верные государю, отправился искать Трубецкого, и больше не вернулся. Армейский полковник А.М. Булатов описывал по городу еще большие круги, чем Трубецкой, несколько раз приближался к императору, но так и не решился его убить, раздираемый противоречивыми мыслями, мучимый совестью, что вскоре после восстания привело его к самоубийству. Еще одна яркая фигура заговора, драгунский капитан А.И. Якубович, кавказский герой, дуэлянт и авантюрист, чей мрачный романтический облик и пламенные речи о цареубийстве вдохновляли молодежь, показывали готовность к решительным действиям, не стал поднимать войска на бунт, а повел жалкую двойную игру – повинился перед императором, отрекся перед ним от своих сообщников, и начал бегать между враждующими сторонами, прикидываясь своим для каждой из них.

Приход к Зимнему дворцу 1-го батальона Л.-гв. Преображенского полка. Эскиз А. Ладюрнера. 1852 г.

Подъехавший к восставшим петербургский генерал-губернатор, генерал от кавалерии М.А. Милорадович, герой многих войн, любимец А.В. Суворова и М.И. Кутузова, начал уговаривать солдат Московского полка прекратить бунт и присягнуть законному государю, стыдить их, перечисляя прежние сражения, напоминая о воинском долге и чести. Он пошел на этот отчаянный шаг, чтобы спасти и положение в столице, и свое положение при новом императоре, которого две недели назад не хотел пускать на трон. Зная авторитет генерала среди солдат, декабрист и отставной поручик П.Г. Каховский выстрелил в Милорадовича из пистолета, а его сообщник поручик князь Е.П. Оболенский нанес удар штыком. Генерал,

который во многом явился виновником и междуцарствия, и самого восстания, погиб от рук тех, кого не пожелал вовремя остановить.

С большим опозданием генерал-майор Алексей Федорович Орлов, преданный сторонник и друг молодого государя, привел свой Л.-гв. Конный полк, который долго не мог одеться и выйти из казарм из-за неясной и двусмысленной обстановки. Когда священник заколебался, Орлов забрал у него листок с текстом присяги и сам произнес текст для своего полка. Конногвардейцы были построены на площади так, чтобы вместе с преображенцами блокировать восставших. Подошел 2-й батальон Преображенского полка, кавалергарды, конно-пионеры. Роты Л.-гв. Финляндского полка двигались через Неву по тогдашнему Исаакиевскому мосту, который вел с Васильевского острова прямо на площадь. Декабрист поручик А.Е. Розен остановил свой взвод и запер движение на мосту, не давая солдатам двигаться дальше и угрожая шпагой. Только одна рота, шедшая прямо по льду, смогла принять участие в окружении бунтовщиков.

Адъютант Л.-гв. Преображенского полка. 1817–1825 гг.

К.Ф. Рылеев Рис. О. Кипренского. 1820-е гг.

А.И. Якубович. Рис. П.А. Каратыгина. 1820-е гг.

Император не желал кровопролития, не хотел провоцировать мятежников на наступательные действия, не мог допустить, чтобы русские солдаты стреляли друг в друга, а вина за эту кровь пала бы на него. Декабристам, напротив, нужна была кровь, и из мятежного каре раздавались выстрелы, не только вверх, но и по войскам, верным государю.

Силы декабристов на площади тоже возросли. Поручик Л.-гв. Гренадерского полка А.И. Сутгоф сумел поднять на бунт одну роту своего полка, вывел ее из казарм, через Петропавловскую крепость и Неву привел по льду на площадь сквозь ряды преображенцев и конногвардейцев и присоединил к восставшим московцам.

Капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа Николай Бестужев, старший из братьев Бестужевых, возглавил и привел к Сенату Гвардейский флотский экипаж, который удалось

взбунтовать в полном составе, вместе с младшими офицерами. Выйдя с Галерной улицы, моряки встали рядом с мятежным каре, построившись колонной к атаке.

Император приказал кавалерии атаковать восставших. Эскадроны конной гвардии с разных сторон устремились на бунтовщиков, имея целью не убивать их, а смять и рассеять их ряды. Затем атаковал Кавалергардский полк, но все эти атаки успеха не имели, они были отбиты ружейным огнем; среди кавалеристов было немало убитых и раненых.

Выстрел Каховского в Милорадовича. Рис. И. Шарлеманя. 1861 г.

Еще один заговорщик, поручик Л.-гв. Гренадерского полка Н.А. Панов, поднял на бунт значительную часть своего полка, перешел Неву по льду, по Миллионной улице вышел к

Зимнему дворцу, прорвался с толпой гренадер через Финляндский караул во внутренний двор, но там его встретил Л.-гв. Саперный батальон. Саперы, успевшие прибыть на защиту дворца, заняли все ключевые позиции, и вместе с финляндцами численно превосходили отряд Панова. Поняв, что дворец ему не захватить, Панов повел гренадер на Сенатскую площадь. По пути ему пришлось пробиваться штыками сквозь правительственные войска, мимо государя, с криками «Мы за Константина». Согласно легенде, император Николай распорядился пропустить восставших. Лейб-гренадеры присоединились к мятежному каре, встав обводом вокруг него. За ними прибежал командир полка полковник Н.К. Стюрлер, который все время уговаривал солдат вернуться в казармы. Декабрист Каховский, уже убивший в этот день Милорадовича, теперь так же из пистолета выстрелил в Н.К. Стюрлера, а его товарищ по душегубству Оболенский добил полковника ударом шпаги.

С приближением вечера и темноты изменилось настроение толпы, оно стало агрессивным, и эту агрессию кто-то умело направлял против государя. Раздавались издевательские выкрики, со стройки Исаакиевского собора в офицеров летели камни и поленья. В народе было необычно много пьяных. Еще ранним утром 14 декабря в ожидании возможных беспорядков вице-губернатор получил от правительства приказ закрыть все кабаки и винные склады, а на случай, если их начнут отпирать насильно – выливать вино (в то время словом «вино» называлась и водка). Однако на площади во время восстания были замечены люди, раздающие простолюдинам деньги и водку. Ряд источников отмечает опьянение также и у восставших солдат.

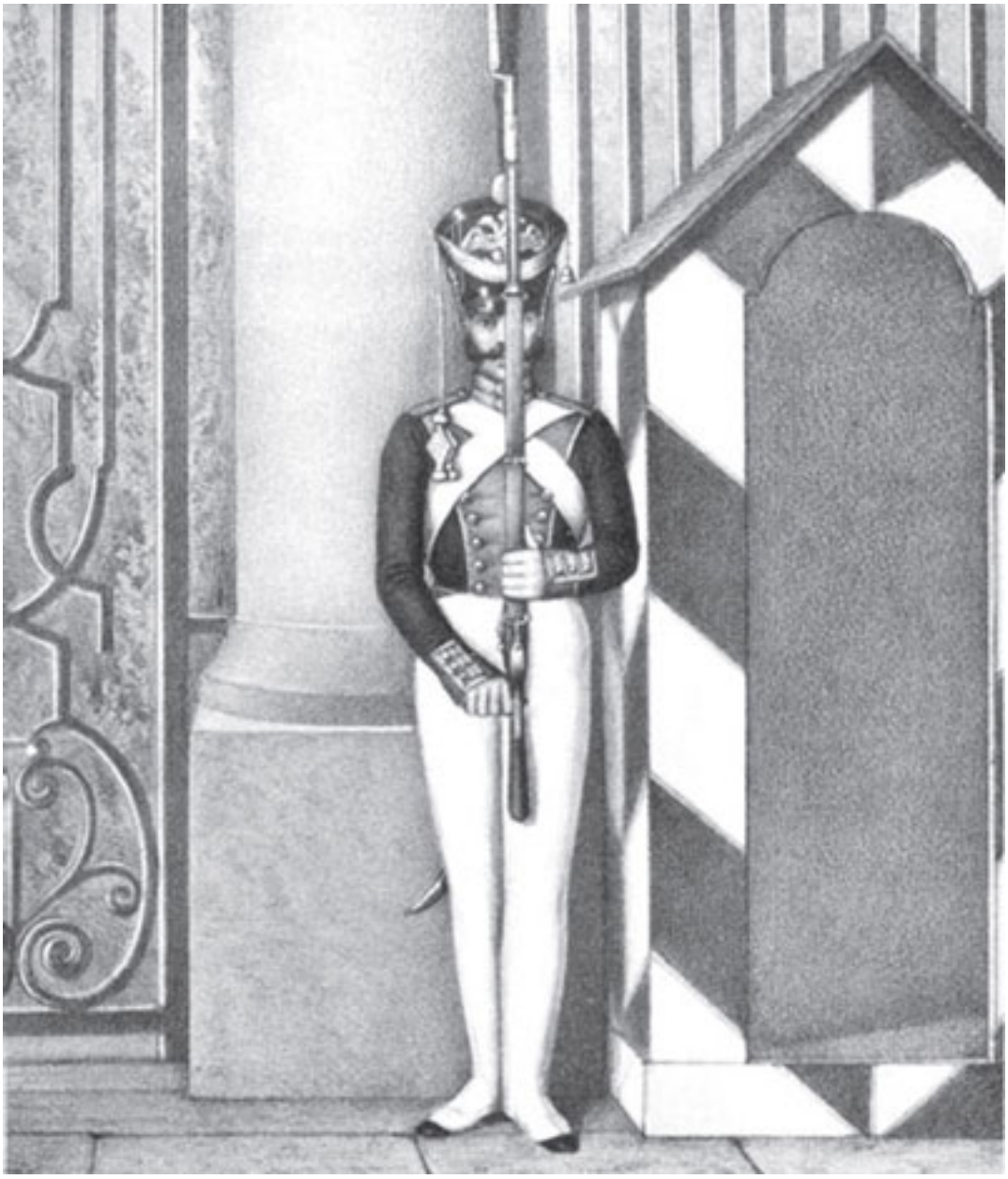
А.Ф. Орлов. Худ. Д. Доу. 1828 г.

«Спонтанно найти большое количество спиртного было сложно. Значит, его кто-то заранее подготовил… что получится, если большое количество простолюдинов опоить алкоголем и еще дать им денег? Получится бунт – бессмысленный и беспощадный. Начнутся погромы, поджоги, убийства. Зачем это надо заговорщикам? Им надо по возможности спокойнее арестовать царскую семью и заставить Сенат подписать нужные документы. Так кто же раздавал спиртное и деньги, если этого не делали сами декабристы? Ответа на этот вопрос у историков нет…»[14]

Уже все полки, верные императору, стянулись к площади. Три тысячи бунтовщиков были окружены сплошной стеной из 12 тысяч правительственных войск. Среди них были подошедшие семеновцы, лейб-егеря, павловцы, а также не охваченная бунтом часть москов-

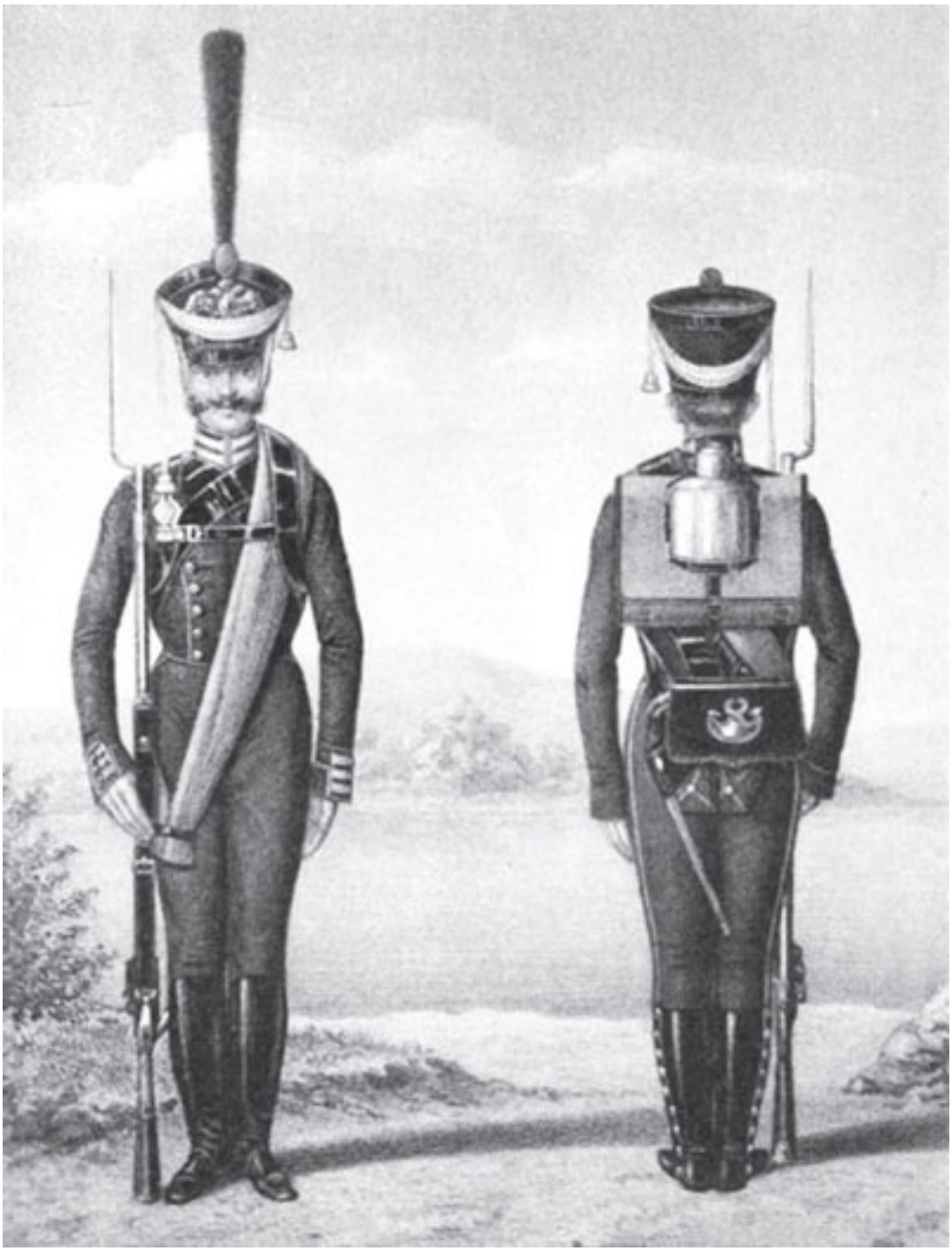
[14] Стариков Н.В. От декабристов до моджахедов. СПб., 2008. С. 142.

цев и лейб-гренадер. Мятежное каре было зажато со всех сторон и вынуждено неподвижно стоять на морозе. Любая попытка его движения на тесной площади была обречена на провал. Вместо Трубецкого был выбран новый диктатор восстания – поручик князь Оболенский. Он три раза пытался, но так и не смог собрать совет. Офицеры-заговорщики уже теряли свой запал. Однако приближавшаяся темнота давала восстанию шансы на успех. Нижние чины разных полков колебались и могли начать перебегать к мятежникам.



Гренадер Л.-гв. Преображенского полка. 1817–1825 гг.

Н.А. Бестужев. Автопортрет. 1815 г.



Карабинер и егерь Л.-гв. Финляндского полка. 1817–1822 гг.

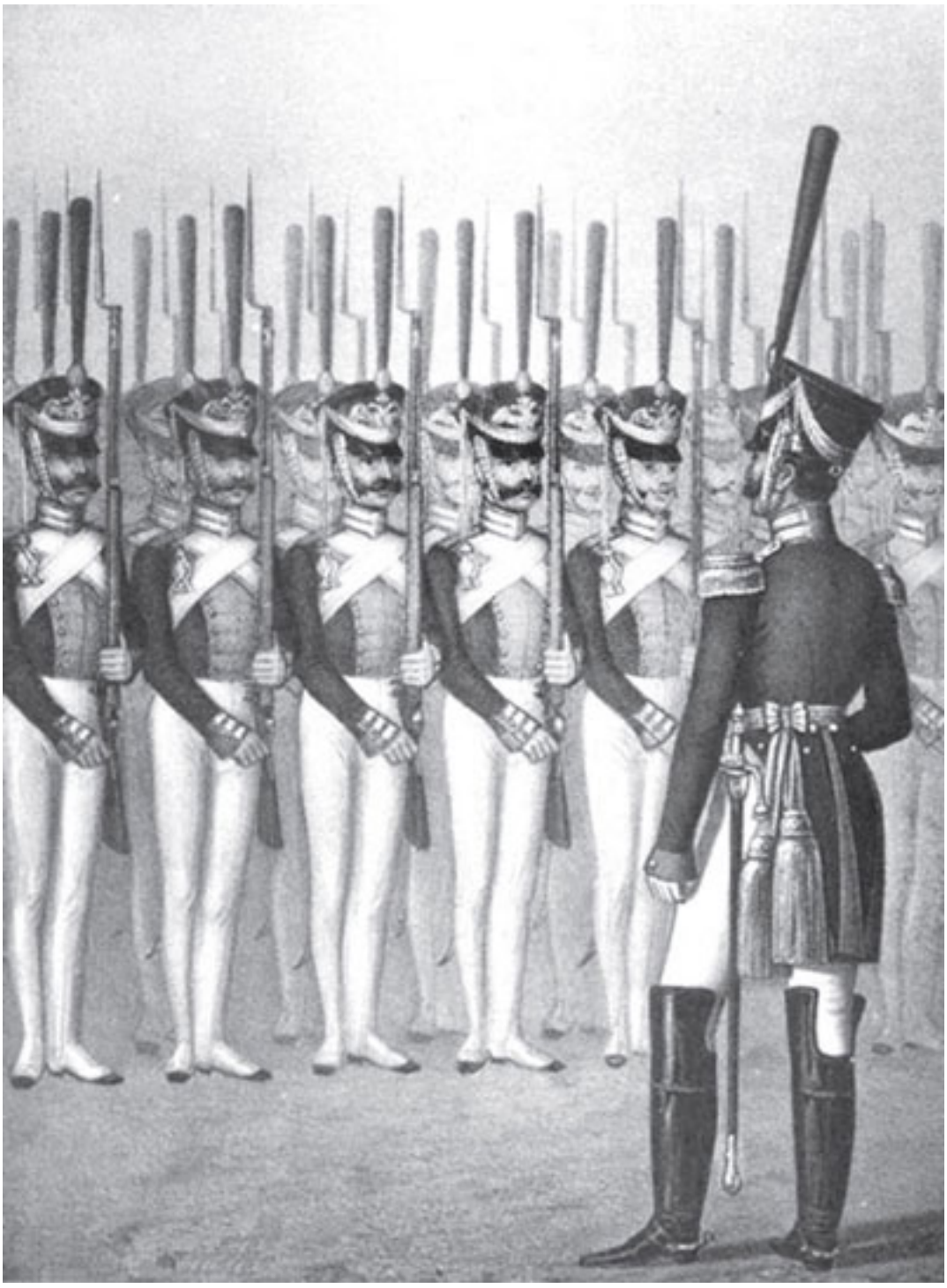
Николай I распорядился вывести на площадь артиллерию. В течение дня все посылаемые государем парламентеры, которые призывали восставших солдат разойтись по казармам, терпели неудачу, в том числе даже митрополит Петербургский Серафим. Заговорщики старались не допускать их до солдат. Последним, кто пытался вести переговоры, был начальник гвардейской артиллерии генерал-майор И.О. Сухозанет, что являлось прозрачным намеком на дальнейшие действия властей. Однако и его также встретили бранью и стрельбой. Тогда на площадь выкатили четыре орудия. Три из них заняли позицию на углу Адмиралтейского бульвара, где находился император, четвертое – у Конногвардейского манежа, в распоряжении великого князя Михаила Павловича. До восставших было не более ста метров.

Как иронично отмечает историк: «Выведя обманным путем солдат на площадь, большинство злоумышленников постепенно с площади исчезали. Под разными предлогами и без оных. Причем их уход был прямо пропорционален прибытию правительственных войск, а уж когда на площади появилась артиллерия, то отток „руководителей стал поразительно активным»[15].

Николай Павлович после тяжелых раздумий приказал открыть огонь картечью. При первых выстрелах восставшие дрогнули и побежали, кто на Галерную улицу, кто по набережной, кто по невскому льду. Одни гибли от картечи, других рубила пущенная вдогонку кавалерия. Из заговорщиков, офицеров и штатских к тому времени оставались только самые безрассудные и отчаянные, которые собирались красиво умереть. Тем самым они погубили еще большее число солдат. Чего стоит одна только попытка Михаила Бестужева с помощью угроз построить московцев на льду Невы. От пушечных ядер или от большого скопления людей непрочный декабрьский лед треснул, и много солдат потонуло. Сам декабрист пишет об этом с нескрываемой бравадой, как будто он – актер-любитель, представляющий на сцене гибель романтического героя, а солдаты – статисты: «Когда мои московцы, валясь под картечью, начали бросать ружья и перепрыгивать через каменный барьер набережной на Неву, я стал с пистолетом в руках и сказал решительно, что я застрелю, кто будет бросать ружье и не пойдет на съезд. Угроза подействовала. Вся масса полка спустилась на Неву, и, когда мы добежали до середины ее, я остановил солдат и начал строить их в колонну. Вы спросите, для чего? Мне очень ясно обозначалась моя будущая участь, я себя не убаюкивал надеждами и решился умереть с оружием в руках. Как и где бы я погиб – это решила бы удача, а этого-то и не было, потому что когда я уже достраивал колонну под выстрелами батареи, поставленной на средине Исаакиевского моста, вдруг мои московцы, доселе молодцами стоящие под убийственным огнем, с криком: „Тонем, ваше высокоблагородие“ распрыснулись по реке. Лед не выдержал и провалился. Тут уже было не до спасения утопающих»[16].

[15] Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. М., 2001. Книга первая. С. 199.

[16] Бестужев М.А. [Алексеевский равелин] // Алексеевский равелин. Л., 1990 Кн. I. С. 54.



Штаб-офицер и гренадеры Л.-гв. Гренадерского полка. 1817–1825 гг.

Штаб-офицер Л.-гв. Конного полка в 1812–1820 гг.

Е.П. Оболенский. Рис. А.А. Ивановского. 1826 г.

Число жертв 14 декабря в разных источниках колеблется, но в любом случае счет идет на сотни людей – это солдаты и офицеры разных полков и мирные жители, до которых долетала картечь, в том числе женщины и дети.

Сам император позже писал об этом дне: «Я чувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и ужас меня объял… опомнившись, я понял, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти, наверно, всё; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством»[17].

В первый день своего царствования Николай Павлович боялся, как должен бояться любой нормальный человек, но при этом был тверд и решителен, как может быть только настоящий государь, для которого превыше всего чувство долга и ответственности перед страной и народом. Терпение его было долгим, надежда на бескровный исход не оставляла до вечера, все распоряжения молодого императора говорили о том, что он хочет со всех сторон блокировать восставших своими войсками и, не доводя дело до кровопролития, заставить сложить оружие. С наступлением темноты ему ничего не оставалось делать, как открыть огонь из пушек. Решение было непростым, мучительным, но в такой ситуации – единственно правильным. Вставший над Россией призрак хаоса, смуты, резни, анархии,

[17] Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 62.

развала государства и неисчислимых бедствий рассеялся от пушечных выстрелов на Сенатской площади.

Император Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. С рис. 1820-х гг.

И.О. Сухозанет. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

М.А. Бестужев. Рис. Н.А. Бестужева. 1830-е гг.

Для государя этот тяжелейший день на пределе физических и душевных сил был бесконечно длинным, без пищи и сна. Только вечером, после молебна во дворце, он мог отобедать и ненадолго уединиться с семьей. Весь день он опасался за своих близких. Не желая, чтобы любимая супруга, Александра Федоровна, испугалась артиллерийской стрельбы и терялась в догадках, Николай Павлович заранее предупредил ее об этом. Но и когда волнение улеглось, семейные объятия были недолгими. Император отправился к войскам и поблагодарил их за верность. Как и после «семеновской истории», Петербург снова превратился в военный лагерь. Весь город был взят под контроль верными государю гвардейскими частями. На улицах всю ночь горели костры, у которых грелись солдаты. Пищу им доставляли из казарм. Уже с 7 часов вечера начались аресты членов Северного общества. Их привозили в Зимний дворец. Император лично допрашивал арестованных, пытаясь понять их цели, масштабы заговора и его тайные пружины. Целую ночь государь провел в полной генеральской форме, при поясном шарфе и шпаге, лишь изредка задремывая от усталости и всякий раз пробуждаясь, когда ему доставляли новые известия. Только к середине дня 15 декабря он

позволил себе немного отдохнуть. Несколько следующих дней и ночей для Николая I и ближайших к нему генералов прошли в постоянных допросах декабристов. Из дворца заговорщиков отправляли в Петропавловскую крепость.

Восстание 14 декабря 1825 года. Худ. Р. Френц. 1950 г.

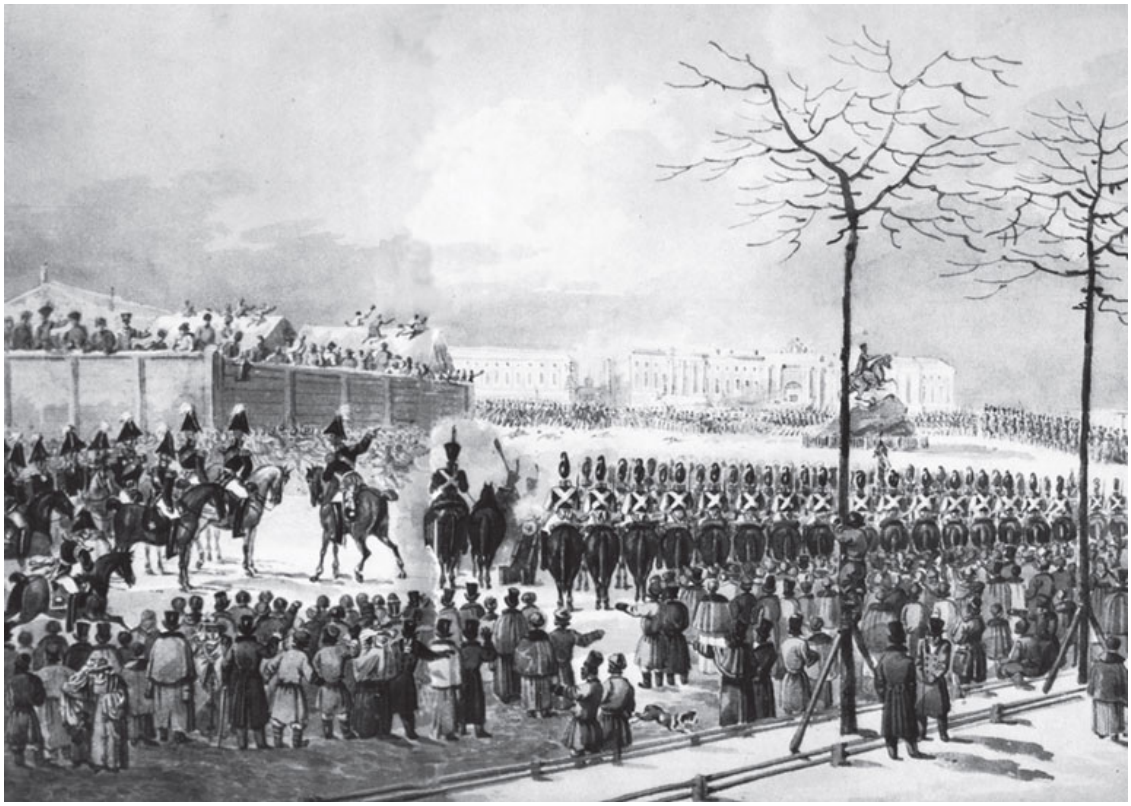
Во время ареста штабс-капитана Д.А. Щепина-Ростовского офицеры-однополчане, дав волю эмоциям, сорвали с него эполеты и избили за то, что он опозорил бунтом родной Л.-гв. Московский полк.

Великий князь Николай Павлович. Худ. Д. Доу. 1823 г.

Делались обыски на квартирах. В бумагах Трубецкого был найден уже упомянутый радикальный манифест. Его красивые демократические фразы легко и просто, без оглядки на последствия, моментально отменяли крепостное право, распускали все государственные учреждения, лишали государство всех монополий и, следовательно, доходов, и уничтожали русскую армию. Нетрудно представить, что грозило России в случае претворения его в жизнь. Анархия, безвластие, сотни тысяч крестьян без земли, которые начнут резать помещиков и жечь усадьбы, множество солдат, оказавшихся не у дел, погромы, грабежи, убийства. Как пишет историк Н.В. Стариков: «Вдумайтесь – распустить вооруженные силы хотят образованные военные! Но зачем? В своем ли уме господа офицеры? Они действительно считают, что их Родине больше не нужна армия? После 15-летней войны с наполеоновской Францией? В условиях, когда Россия ведет непрекращающуюся борьбу с соседями за место под солнцем?! Неужели декабристы искренне верили, что начиная с 1825 года на нас никто больше не нападет? Не будем задавать пустых вопросов. Уничтожение русской армии необ-

ходимо тому, кто готовиться схватиться с Россией в смертельной борьбе. То есть нашим геополитическим соперникам. Богатая территорией и ресурсами страна без армии – лакомый кусочек»[18].

На первом допросе Трубецкой утверждал, что невиновен и ничего не знает. Когда ему показали текст манифеста, написанный его рукой, «диктатор восстания» рухнул на пол и униженно валялся в ногах у государя, вымаливая себе жизнь.



Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Акварель К. Кольмана. 1820-е гг.

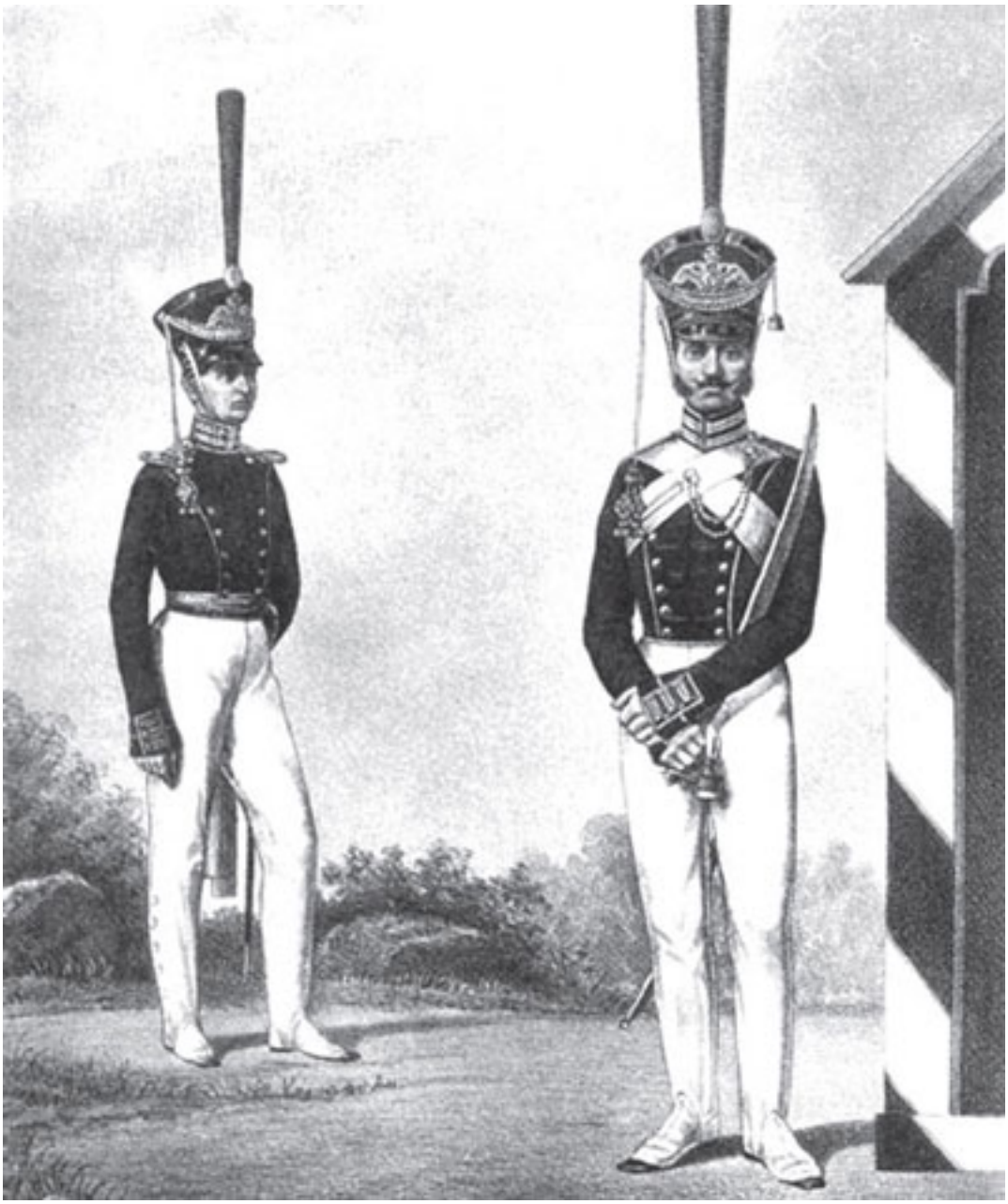
29 декабря, как отголосок восстания в Петербурге, выступили в Малороссии, в деревне Трилесы, заговорщики Южного общества и Общества соединенных славян. Вождь южан, зловещий полковник П.И. Пестель, прочивший себя в Наполеоны, к тому времени уже был арестован, шли аресты других членов. Подполковник С.И. Муравьев-Апостол и его сообщники взбунтовали Черниговский пехотный полк. Несколько дней, двигаясь во главе мятежного, ставшего почти неуправляемым полка, группа офицеров-декабристов надеялась на присоединение других частей. Но их командиры не стали ввязываться в проигрышное дело и усугублять свою вину. Южное общество, которое похвалялось тем, что имеет в распоряжении целую армию, оказалось почти бессильным. 3 января 1826 года Черниговский полк был рассеян огнем пушек и атакой гусар, которых было в два с половиной раза меньше, чем бунтовщиков. Около тысячи нижних чинов, принявших участие в бунте, были наказаны шпицрутенами или розгами и переведены служить на Кавказ. Муравьева-Апостола, его ближайшего помощника подпоручика М.П. Бестужева-Рюмина и остальных южных заговорщиков вслед за Пестелем повезли под конвоем в Петербург.

[18] Стариков Н.В. Указ. соч. С. 145.

Николай I перед строем Л.-гв. Саперного батальона 14 декабря 1825 г. Худ. В.Н. Максутов. 1861 г.

То, что декабристы, не имея даже единой программы действий, вдруг решились устроить государственный переворот, ясно говорило о том, что они являются орудием внешних врагов России. После очередных допросов Николай I писал брату Константину в Варшаву: «Показания, которые только что дал мне Пестель, настолько важны, что я считаю своим долгом без промедления вас о них уведомить. Вы ясно увидите из них, что дело становится все более серьезным вследствие своих разветвлений за границей и особенно потому, что всё, здесь происходящее, по-видимому, только следствие или скорее плоды заграничных влияний»[19].

[19] Там же. С. 144.



Обер-офицер и канонир 1-й Гвардейской Артиллерийской бригады. 1817–1824 г.

Дворцовые перевороты, совершаемые заговорщиками-дворянами с помощью гвардии, происходили в Петербурге в течение всего XVIII века, имея целью смену одного монарха другим. Вступление России в новый XIX век ознаменовалось убийством императора Павла и воцарением Александра. Тогда, в 1801 году, будущие декабристы были малолетними детьми, а иные и вовсе еще не родились. Но их старшие современники и через четверть века помнили это событие и проводили аналогии. В позднейшие времена одни исследователи называли восстание декабристов началом большого этапа революционноосвободительного движения в России, другие – последней попыткой дворцового переворота. Истина, как всегда, скрывается где-то посередине и, как всегда, не вся. Декабристы тоже были дворянами, тоже хотели власти, но они не были придворной группировкой и не имели в своих рядах влиятельных лиц с высоким положением. Другой вопрос, еще не вполне ясный: кто стоял за декабристами, кто их подталкивал. С прежними дворцовыми переворотами бунт на Сенатской площади роднят только сам факт использования гвардейских частей, имя якобы «законного» государя,

которым спекулировали заговорщики, и тайная помощь заговору со стороны иностранных держав.

С.П. Трубецкой. Рис. Н.А. Бестужева. 1830-е гг.

Император Николай I. Миниатюра Д. Доу. 1820-е гг.

Напомним, что в последние месяцы своей жизни рыцарски-благородный император Павел Петрович разочаровался в своих бесчестных «союзниках» по антифранцузской коалиции и начал сближаться с Францией. Этого не хотела допустить Англия, и вскоре Павла не стало. Англии нужна была Россия в войнах против Наполеона за свое, английское мировое господство. После того как Наполеон в долгой борьбе был повержен силами русской армии императора Александра, Россия как сильная страна, как государство стала для Англии лишней. Не лишними для врагов оставались только русские земли и богатства, и это хорошо понимал вступивший на престол Николай I, упоминая «плоды заграничных влияний».

Глава 3
«Война и мор, и бунт, и внешних бурь напор»

Все его царствование было расплатой за ошибки предыдущего.
А.А. Керсновкий. История русской армии

Пушкин в 1834 году, сравнивая Александра I и Николая I, писал: «…Покойный _ _ государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать»[20], – подчеркивая, что Николай Павлович – настоящий законный государь, в отличие от своего предшественника.

Следствие длилось полгода. Заговорщики начали понимать, что происшествие 14 декабря не может быть замято как неудачная шалость молодых дворян, и что их не спасут высокопоставленные родственники. Как бы там ни было, а восстание – это тягчайшее коллективное воинское преступление. Дерзкое вызывающее поведение на первых допросах, стремление запугать власть огромной численностью тайных обществ ушло в прошлое. Подавленные строгостью следственной комиссии, тюремным заключением, и особенно – отсутствием привычного комфорта, декабристы активно выдавали все, что им было известно друг о друге, все списки членов общества, в том числе и множество людей, никогда к нему не принадлежавших, все планы и помыслы. Подследственные всячески оправдывались и изливались в выражении верноподданнических чувств к императору. Недавние республиканцы и безбожники, призывавшие к цареубийству, теперь для спасения своей жизни на словах превратились в набожных монархистов и стали писать государю длинные покаянные послания, униженно взывая к его милости и великодушию.

Петропавловская крепость со стороны Дворцовой набережной. Литография. 1822 г.

[20] Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. Л., 1975. Т. 7. С. 278.

По решению суда 36 декабристов были приговорены к смертной казни. Император большинству из них заменил смерть каторгой и дозволил казнить только пятерых, совершивших особо тяжкие преступления. Пестель, Рылеев и Муравьев-Апостол попали на виселицу как вожди заговора и восстания; мрачный, отчаянный, неуравновешенный Каховский – как душегуб, лично убивший генерала и полковника; и совсем молодой, имевший в обществе репутацию шута, Бестужев-Рюмин – как одно из важнейших лиц Южного общества, активный агитатор, ярый сторонник цареубийства и бунтовщик, взятый с оружием в руках. Остальные заговорщики в количестве 121 человека получили разные сроки каторги и ссылки. Все эти сроки были уменьшены императором.

Казнь пятерых произошла ранним утром 13 июля 1826 года на территории Кронверка – дополнительного укрепления Петропавловской крепости. Жестокие времена Петра I и его ближайших преемников ушли уже в далекое прошлое, и казнить в России с тех пор разучились. Даже палач был приглашен иностранный, из Швеции. Куда-то пропала перекладина для виселицы, пришлось срочно делать другой брус и везти его к месту казни на извозчике. Когда приговоренных ввели на помост, оказалось, что виселица еще не готова, и их свели обратно. Когда наконец на головы надели веревки и выбили из-под ног помост, три человека сорвались и их пришлось вешать заново. Только после этого начальник Кронверка смог послать императору донесение: «Операция была повторена и на сей раз свершилась удачно».

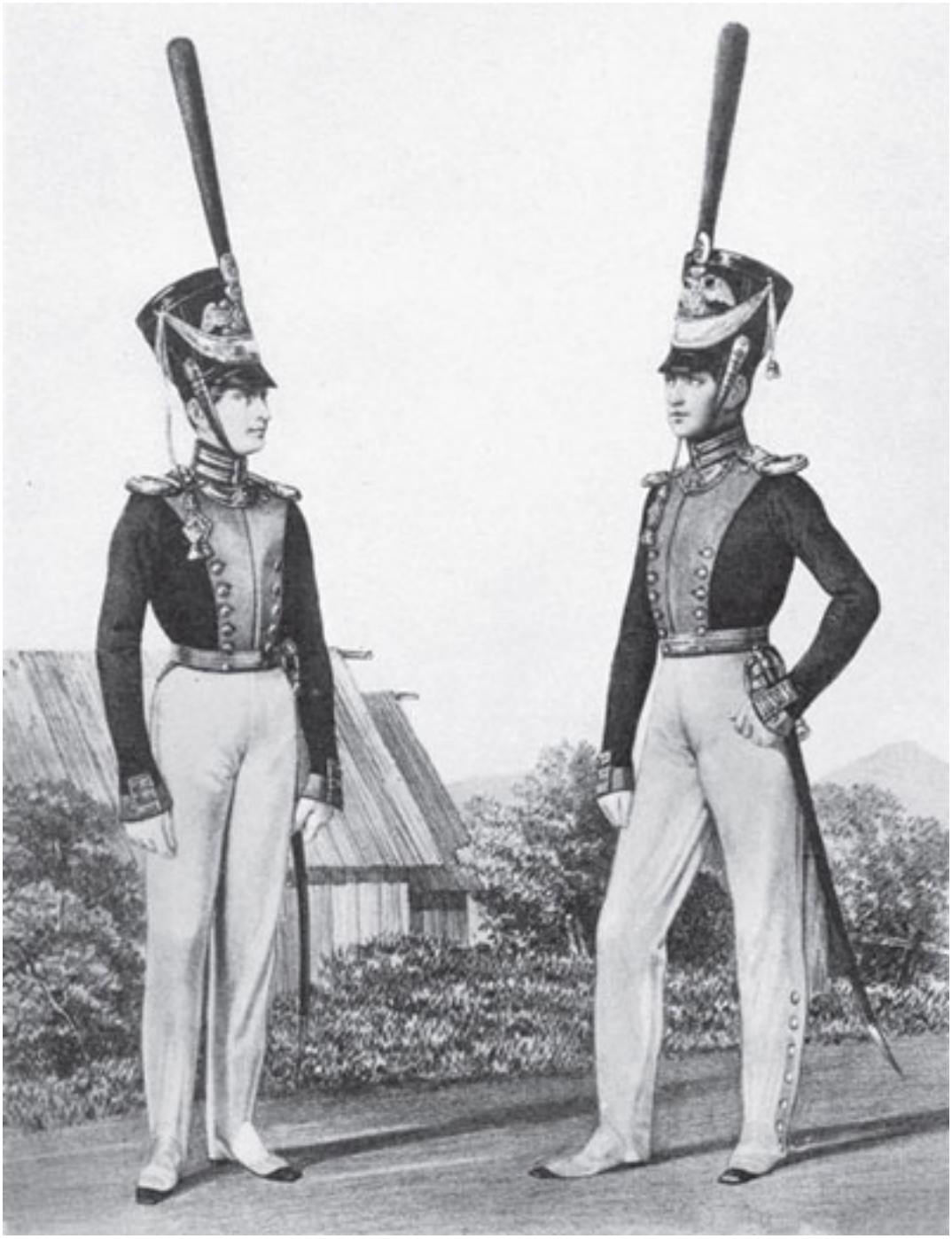
Казнь декабристов. Рис. А.С. Пушкина. 1826 г.

Следующей ночью, в темноте, при свете костров и факелов, была совершена гражданская казнь декабристов. Осужденных лишили офицерских чинов и дворянства, над их головами были сломаны шпаги, а их мундиры брошены в костры и сожжены. Войска были выстроены около Кронверка Петропавловской крепости на гласисе – так называлось ровное, лишенное всякого рельефа и растительности пустое пространство перед укреплениями. Мероприятие было показательным и хорошо продуманным. Михаил Бестужев со злобной иронией писал: «Разделили нас по кучкам, для того чтобы каждой гвардейской бригаде доставить удовольствие зрелища. Потом шествие на гласис перед войско. Потом чтение сентенции; потом обрывание мундиров и орденов; потом ломание шпаг над головою; потом auto da fe военной амуниции и, наконец, возвращение по казематам в затрапезных халатах и форменных шляпах с перьями, касках, военных фуражах и в чакчирах и шпорах. Этот буффонско-маскарадный кортеж проходил в виду пяти виселиц, где в судорогах смерти покачивались злополучные жертвы тирании»[21]. Свои отличия имела гражданская казнь бывших

[21] Бестужев М.А. [Алексеевский равелин] // Алексеевский равелин. Л., 1990. Кн. I. С. 61.

морских офицеров, которая в это время прошла на корабле. Вскоре для одних декабристов начались скитания по крепостям, для других – долгие дороги, ведущие прямо в Сибирь.

Рядовые Л.-гв. Преображенского, Семеновского и Измайловского полков в 1826–1827 гг.



Обер-офицеры Л.-гв. Московского и Гренадерского полков в 1827–1828 гг.

Унтер-офицеры Л.-гв. Московского и Гренадерского полков в 1826–1827 гг.

Вечером того же дня Кавалергардский полк устроил на Елагином острове грандиозный праздник с фейерверком в честь назначения шефом полка императрицы Александры Федоровны. Своего нового шефа, красавицу-императрицу, кавалергарды обожали и по-рыцарски преклонялись перед ней. Только что шесть заговорщиков, служивших в этом полку в день восстания, и еще трое бывших кавалергардов были отправлены на каторгу, а двое бывших повешены: Пестель в начале своей службы был офицером, а Бестужев-Рюмин – юнкером Кавалергардского полка. Нарочито веселый праздник в день казни говорил о том, что для верных своей присяге кавалергардов эти люди уже не были однополчанами, это были преступники, опозорившие полковой мундир, с которыми не хотелось иметь ничего общего.

После того как было покончено с декабристами-дворянами, перед новым императором возник вопрос – что делать с простыми солдатами, которых заговорщики обманным путем увлекли за собой на коллективное преступление, что делать с офицерами, которые не смогли их удержать, и вообще как поступить с тремя гвардейскими частями, которые теперь запятнаны бунтом. В каждой их них работала специальная комиссия по выявлению виновных. У Николая Павловича был пример того, как пять лет назад Александр I поступил с Семеновским полком. Неужели придется еще два полка и флотский экипаж разогнать, а на их место набрать новых солдат и офицеров? Неужели еще три гвардейских имени станут для остальных полков пустым звуком, как стал Семеновский полк?

Император Николай I, императрица Александра Федоровна и наследник цесаревич Александр Николаевич. Гравюра Т. Райта по ориг. Д. Доу. 1826 г.

Император нашел мудрое решение. В Закавказье начиналась война с Персией (Ираном). Гвардейский корпус не был отправлен в поход, но небольшая его часть, командированная на Кавказ, выступила из Петербурга на эту войну под названием СводноГвардейского полка. В него вошли чины Л.-гв. Московского и Гренадерского полков и Гвардейского экипажа, вовлеченных в восстание декабристов. Эти солдаты во главе со своими офицерами должны были своей и вражеской кровью смыть позор с полковых знамен. Некоторые нижние чины «старого» Семеновского полка, бывшие на Кавказе с 1821 года, теперь оказались в рядах московцев. Кроме того, часть нижних чинов была переведена в кавказские полки. Из солдат, бывших с декабристами на Сенатской площади, серьезные наказания получили считанные единицы – прогнано сквозь строй 6 человек, сослано на каторгу 8 человек. Николай I, которого принято обвинять в излишней жестокости, весьма милостиво обошелся с солдатами, понимая, что не они были виновниками бунта. Это коренным образом отличает его от Александра I, который действительно жестоко и равнодушно отнесся к солдатам-семеновцам за их справедливые требования.

Рядовой Л.-гв. Гусарского полка. Литография Л. Белоусова. Кон. 1820 – нач. 1830-х гг.

Молодой государь не имел никаких претензий к родственникам сосланных декабристов. Многие из них были представителями знатных дворянских фамилий, занимали серьезные посты в государстве и положение в обществе, служили в войсках. Никто из них не пострадал за свои родственные связи с преступниками, их служба и частная жизнь продолжались, как будто ничего не случилось. Не желая обижать невиновных, Николай I не принял достаточных мер идеологического, просветительского характера в отношении декабристов, посчитав самым лучшим вариантом забвение. Начало царствования и без того ознаменовалось большим потрясением, вынудившим императора пролить кровь и совершить казнь, что делает его фигуру поистине трагической. Идеологическая пустота, сложившаяся вокруг бунтовщиков, постепенно стала заполняться состраданием, восхищением и героической романтикой. И если при жизни Николая Павловича никто не смел говорить о них вслух, то после его кончины история заговора и восстания в сознании общества окончательно перевернулась с ног на голову. Благородные и милостивые действия государя обернулись против него.

В июле 1826 года персидские полчища перешли пограничную реку Аракс и вторглись в Карабахское ханство. Воинственная партия наследника персидского престола Аббас-мирзы хотела вернуть себе ханства, потерянные в прошлой войне с русскими. Желание персов поквитаться с русскими подогревали английские представители. 13 сентября при Елизаветполе генерал И.Ф. Паскевич атаковал и разбил армию персов и обратил ее в бегство. В

следующем, 1827, году русские войска взяли крепости Аббас-Абад и ранее неприступную Эривань, а затем Тавриз. Персы запросили мира. После четырех месяцев переговоров 13 февраля 1828 года был заключен Туркманчайский мирный договор. Персия была вынуждена выплатить России 20 миллионов рублей серебром.

Штурм крепости Карс 27 июня 1828 г. Худ. Я. Суходольский. 1839 г.

Вступление руской армии в Варну. Гравюра 1828 г.

Паскевич предлагал императору включить часть персидских земель в российские владения, а остальное расчленить на несколько государств и поддерживать взаимную вражду. Другой государь так бы и поступил, но Николай I посчитал это неблагородным.

Уже в апреле 1828 года началась новая война – на этот раз с Турцией. После шести лет неравной героической борьбы против турецкого владычества Греция уже не могла сопротивляться, и турки затопили кровью всю страну, проявляя неслыханное зверство. Европейские

державы потребовали у Турции предоставить грекам автономию, но не получили ответа. Тогда 8 октября 1827 года русская эскадра в составе союзного флота атаковала и разгромила турок на море, а в апреле 1828 года русская армия фельдмаршала П.Х. Витгенштейна перешла реку Прут и оккупировала Молдавию и Валахию. Наши войска обложили важнейшие турецкие крепости Варна, Силистрия и Шумла с большими гарнизонами и одновременно отбивали натиск стянувшихся к ним многочисленных полевых войск турок.

Эпизод Русско-турецкой войны. Худ. В. Шукаев

В одно время с началом военных действий гвардия выступила из Петербурга в Турецкий поход. От каждого полка был оставлен в казармах 3-й батальон, а в кавалерии – 3-й дивизион. Не были отправлены на войну только гвардейские кирасиры. (Хотя за столетие до этого кирасирские полки создавались в России именно для борьбы с легкой турецкой конницей.)

Война складывалась тяжело для русской армии. Оставление гарнизонов в занятых местах, противостояние явно недостаточных сил огромным массам турок, постоянные нападения вражеской конницы и партизан на тылы и обозы, падёж лошадей от бескормицы, лихорадки и тифозная эпидемия усиливали тяжесть похода.

Только в Закавказье дела шли успешно для русских. Кавказскому корпусу во главе с Паскевичем было приказано отвлечь силы турок от Балканского театра. С июля по сентябрь эти войска одержали ряд блестящих побед над турками, взяв Карс, Ахалцых и еще ряд крепостей.

Хозрев-Мирза. Худ. Ф. Берже. Нач. 1830-х гг.

Прибывшая на войну гвардия, с которой находился и государь, к 1 сентября расположилась у стен осажденной Варны. Гвардейские полки вступали в схватки с турецкими войсками, пытавшимися снять осаду, отбивали яростные турецкие атаки. 29 сентября Варна сдалась. Этой победой решено было закончить неудачную кампанию 1828 года и отправить Гвардейский корпус домой. Батальоны московцев и лейб-гренадер присоединились к своим полкам, Гвардейский экипаж также занял свое место в дивизии.

В следующем, 1829, году во главе русской армии вместо престарелого медлительного фельдмаршала Витгенштейна был поставлен новый командующий генерал Иван Иванович Дибич. Решительными действиями ему удалось окончательно разгромить турецкие полчища на Балканах, взять Адрианополь и приблизиться к Константинополю. Одновременно Паскевич уничтожил кавказские войска турок. Турецкая армия перестала существовать, султан умолял о мире.

Император Николай I. Худ. Д. Доу. 1828 г.

Император Николай I. Худ. А. Поляков. Кон. 1820-х гг.

Это известие, пришедшее в Петербург, застало императора Николая I на маскараде в Большом театре. Оркестр гремел марш. Государь стоял в группе приближенных у царской ложи, разговаривая, держа в руке шляпу и выбивая ею такт по своей ноге. Незаметно для окружающих из шляпы вывалился султан и упал на пол. В это время подошел с бумагами в руках, весь сияющий, великий князь Михаил Павлович. Поднимая упавший султан и подавая государю бумаги, великий князь высказал каламбур: «Султан у ног вашего величества».

2 сентября был заключен Адрианопольский мирный договор. Несмотря на блестящую для России ситуацию, когда Турцию, ее постоянного врага, можно было окончательно сокрушить, победители получили весьма скромное приобретение – черноморское побережье Кавказа и кусочек Закавказья с Ахалцыхом, а также возмещение военных убытков. Турция признала независимость Греции и автономию Сербии, Валахии и Молдавии. Вся территория, завоеванная русскими ценой больших потерь, была возвращена туркам. Европейские державы на правах «союзников» и ревнителей мира и спокойствия утверждали, что падение Турции приведет к мировому хаосу. Как с горечью отмечает историк, «метафизика Священ-

ного союза совершенно заслоняла насущные интересы России, тяжелым заклятьем сковывала все движения русского богатыря»[22].

Во время турецкой войны произошло безобразное кровавое возмущение внутри побежденной Персии. 30 января 1829 года в Тегеране толпа фанатиков, подстрекаемых духовенством, не без участия английских интриг, разгромила русское посольство. В числе убитых был и глава русской миссии – знаменитый писатель, автор комедии «Горе от ума» и других пьес, композитор, музыкант, дипломат, умнейший и одаренный человек Александр Сергеевич Грибоедов. Персидский шах был в смущении. Страшась новой войны, он отправил в Петербург большое посольство во главе со своим сыном Хозрев-Мирзой. На приеме в Зимнем дворце Хозрев-Мирза произнес по-восточному пышную извинительную речь и от имени своего правителя преподнес Николаю I знаменитый и красивейший алмаз «Шах». Ответом русского императора было: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Благодаря этому бесценному подарку персам были прощены 4 из 20 миллионов контрибуции. Согласно красивой легенде, бриллиант был выкупом за смерть Грибоедова. Хотя главной причиной мирного исхода послужило нежелание России, занятой тяжелой войной с Турцией, возобновлять еще одну войну и отвлекать свои силы на Персию. Именно на это надеялись англичане, но Персия была уже хорошо научена русскими войсками, которые сразили ее властителей не только силой, но и благородством своих войск.

В августе 1829 года Хозрев-Мирза, неглупый молодой человек недурной наружности, был одним из модных лиц Петербурга. 16-летний персидский принц, со своей огромной свитой, с мирзами, беками и целым штатом прислуги, проживал в Таврическом дворце, посещал театры и музеи, встречался с женщинами. Яркая внешность и экзотический наряд восточного гостя привлекали внимание зевак, его портреты продавались во всех лавках. Неслучайно Николай Васильевич Гоголь, который тоже впервые поселился в Петербурге в 1829 году, через несколько лет упоминает Хозрев-Мирзу сразу в двух своих повестях – «Нос» и «Портрет».

1830 год ознаменовался революционными потрясениями в Европе. Июльская революция во Франции перегородила улицы городов баррикадами, заставила армию стрелять в свой народ, свергла последнего из Бурбонов, нетерпимого и безоглядного в своей политике короля Карла X, и утвердила нового короля Луи Филиппа из Орлеанской династии. Николай I всю жизнь осуждал Луи-Филиппа, как занявшего трон не по праву наследования, а по вероломству и по прихоти революционных событий. Бельгия также восстала, вышла из-под власти голландского короля и образовала свое государство, которое Голландия под давлением европейских держав вынуждена была признать. Николай I, верный принципам Священного союза, призывал другие страны к военному походу на Бельгию для восстановления законного порядка, сам готов был выступить с армией, но только снискал взрыв антирусских настроений и репутацию азиатского монстра, который угрожает Европе. Вскоре бельгийские дела были заслонены возмущением уже в пределах самой Российской империи.

Еще в 1815 году, после победы над Наполеоном, Польша была поделена на три части между Россией, Австрией и Пруссией. К России отошло бывшее Герцогство Варшавское, вместе с литовскими губерниями составившее Царство Польское в составе Российской империи. Поляки, которые еще недавно вместе с французами разоряли Россию, получили от великодушных победителей автономное устройство, конституцию, администрацию, деньги и собственную – польскую – армию, отдельную от русской. Под властью русских царей и за счет России польские земли превращались из захолустного бедного края в благоустроенный и процветающий. Даже после восстания декабристов разоблаченные члены польских тайных обществ были вскоре освобождены. Такое снисходительное отношение русских не

[22] Керсновский А.А. История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 64.

было оценено поляками. В мае 1829 года, когда Николай I по настоянию брата Константина короновался Польским королем, церемония прошла благополучно, но ненависть поляков к России уже достигала предельных размеров.

Великий князь Константин Павлович. Офорт неизв. худ. 1820-е гг.

17 ноября 1830 года в Варшаве вспыхнул бунт, вооруженная толпа заговорщиков-поляков ворвалась в Бельведерский дворец, перебила соплеменников, верных России, и поставила свое временное правительство. Цесаревич Константин едва успел бежать. Мятеж разгорелся по всему западному краю.

Примечательно, что восстание произошло только в русской части Польши. И это притом, что пруссаки и австрийцы применяли к своим польским подданным весьма жесткую политику онемечивания, без всяких льгот и послаблений. Русские, напротив, создали для поляков фактически самостоятельное государство в государстве. Вместо благодарности польские националисты объявили династию Романовых в Польше низложенной и свое желание установить Царство Польское от Черного до Балтийского морей. Они возлагали надежды на помощь Европы и восстание в России.

Штаб-офицер и рядовой Л.-гв. Конного пола в 1828–1844 гг. Рис. из полкового альбома. 1848 г.

В Петербург известие о восстании Польши пришло 25 ноября. На следующий день был развод 3-го батальона Л.-гв. Преображенского полка в Михайловском манеже, где среди зрителей находились и иностранные дипломаты. По свидетельству австрийского посланника графа К.-Л. Фикельмона, Николай I, до сих пор не проявлявший волнения, подозвал к себе офицеров и, объявив о мятеже, сказал: «Я уже сделал распоряжения, чтобы указанные мною войска двинулись к Варшаве, а если будет нужно, то пойдете и вы, моя гвардия, пойдете наказать изменников и восстановить порядок и оскорбленную честь России. Знаю, что я во всех обстоятельствах могу положиться на вас»[23]. Участник развода Марков вспоминал, что негодование по поводу поляков, готовность идти в бой и обожание своего монарха дошли до того, что офицеры с восторженными криками: «Веди нас против мятежников; мы отомстим за оскорбленную честь России!», – бросились целовать государю руки, одежду, ноги. Импе-

[23] Тальберг Н.Д. Очерк истории императорской России от Николая I до царя-мученика. 1825–1917. М., 1995. С. 53.

ратор с трудом освободился от верноподданнических объятий и поспешил удалиться. Тогда все так же бросились целовать великого князя Михаила Павловича, который должен был вести гвардию в поход.

В сильные морозы, с закутанными от обжигающего холода лицами, гвардейские полки в конце декабря – начале января выступали из Петербурга. В Польский поход были назначены 1-е и 3-и батальоны, а 2-е оставлены в казармах для охраны столицы.

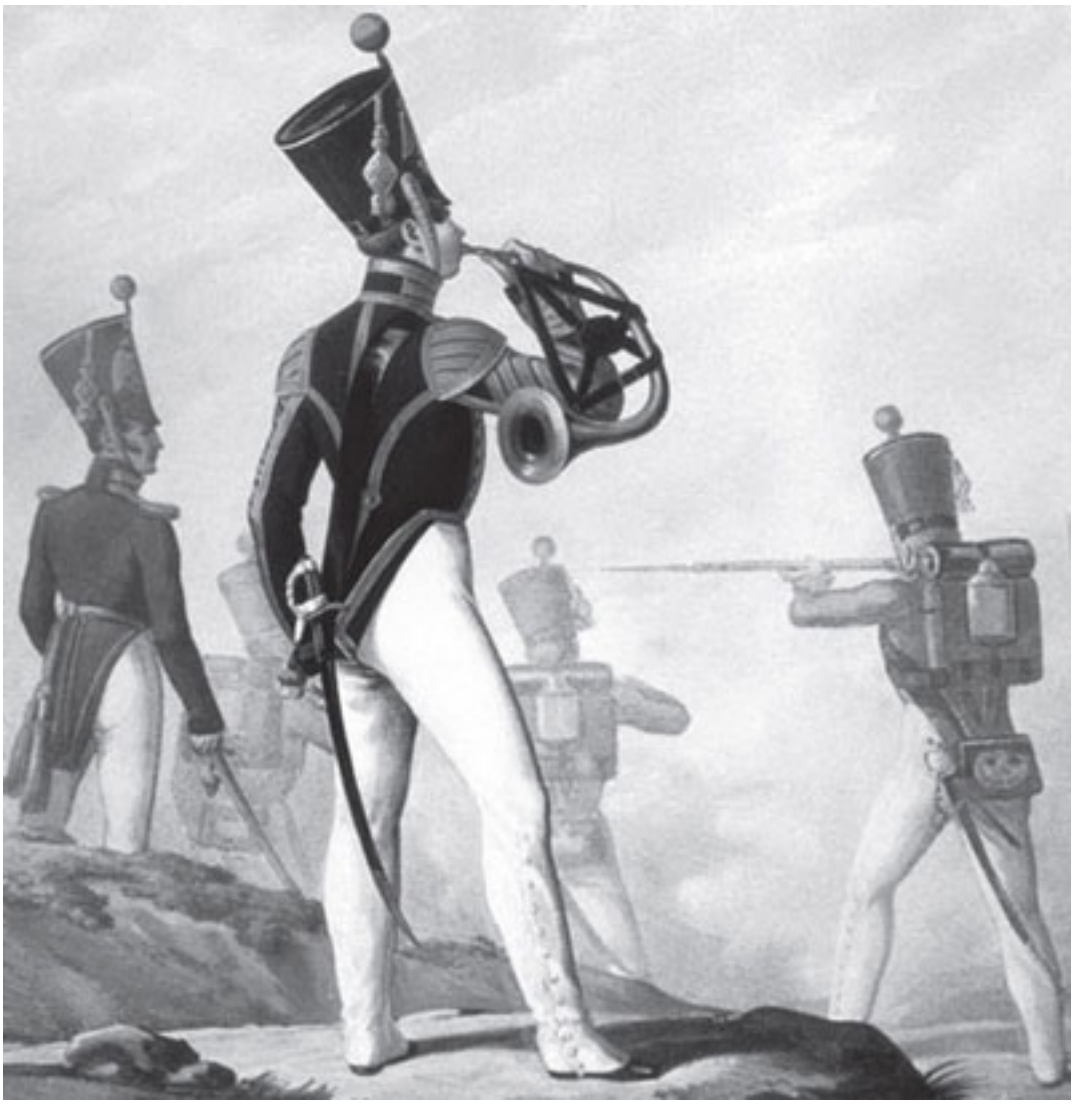
30 января 1831 года русская армия под командованием фельдмаршала Дибича вошла в польские губернии, и через две недели, 14 февраля, разбила поляков в битве при Грохове. Польская армия в панике рассеялась, побросав орудия и знамена. Путь на Варшаву был свободен. Но дальнейшие действия Дибича, талантливого военачальника, выглядели настолько странно и двусмысленно, что не могло не навести на подозрение о постороннем влиянии.

Сражение при Грохове. Худ. Б. Виллевальде. 1850-е гг.

Наместник Польши цесаревич Константин Павлович, с трудом избежавший гибели от рук мятежной толпы, продолжал проявлять к полякам снисхождение, теперь уже совершенно неуместное. Он ушел из Варшавы с одним только русским гвардейским отрядом, отпустив к мятежникам даже тех польских офицеров, которые сохранили ему верность. Под влиянием любимой жены-польки, княгини Лович, Константин после Грохова препятствовал русскому наступлению, что позволяло полякам собрать силы и отсрочить свой конец. Как отмечает А.Н. Боханов, «конечно, Императору можно поставить в серьезный упрек, что он не мог обуздать своего бездарного брата. Однако чувство ранга и возрастного ранжира не позволяли ему забыть то, что Константин был для него не только Наследником, но и Самодержцем, которому Николай Павлович присягал»[24].

Война растянулась еще на полгода, собирая кровавую жатву в виде тысяч русских и польских жизней. Западные государства, особенно Франция, демонстративно выражали сочувствие повстанцам, ретивые британские и более всего французские журналисты призывали Европу к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия, конечно, не столько ради поляков, сколько ради ослабления могущества России. Русским приписывались неслыханные зверства и кровожадность, а настоящая резня, устроенная поляками, замалчивалась.

[24] Боханов А.Н. Николай I. М., 2008. С. 202.



Сигналист Л.-гв. Егерского полка. Нач. 1830-х гг. Литогр. Л. Белоусова.

Пришедший в Польшу Гвардейский корпус оказался в начале мая под ударом превосходящих польских сил, в наступление которых Дибич не верил. Великий князь Михаил Павлович, командуя гвардией и имея против себя почти всю польскую армию, вынужден был провести отступательный марш-маневр, отбивая наседавших поляков в тяжелых арьергардных боях. 6 мая мятежники заняли Остроленку, оставленную гвардией.

Император Николай I, который до того времени всегда относился к Дибичу с большим доверием и уважением, был потрясен странностью его поступков. В ответ на донесение Дибича, государь 14 мая писал фельдмаршалу: «…Что гвардия дралась хорошо – в этом нет ничего нового, но употреблять ее так, как вы это делаете, непростительно и преступно. Не скрою от вас, что на вашу ответственность падают все эти бесцельные потери в рядах гвардии, причем ваши распоряжения, вследствие которых гвардия так пострадала, несогласны с моими приказаниями, вам несколько раз повторенными. Есть мера всякому терпению»[25].

[25] Тальберг Н.Д. Указ. соч. С. 57.

И.И. Дибич. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

14 мая Дибич разбил польскую армию Я. Скржинецкого в битве при Остоленке. Но и эта победа не была должным образом использована. Отброшенных поляков Дибич не преследовал, находясь под влиянием посланий неизвестного, в котором угадывался цесаревич Константин, руководимый своей польской супругой. В это время русские войска страдали от эпидемии холеры. 29 мая и сам фельдмаршал почувствовал признаки этой болезни, но не торопился прибегать в помощи врачей, как будто не хотел излечиться. Время было упущено, и на следующий день, 30 мая, Дибича не стало. Не исключено, что в разгар холеры он был просто отравлен или, что еще вероятнее, вынужден принять яд. Он не хотел назвать того, кто велел ему приостановить наступление армии, но на смертном одре признался: «Мне дали этот пагубный совет; последовав ему, я провинился перед государем и Россией. Главнокомандующий один отвечает за свои действия».

Официальная биография Дибича, изданная через десять лет после его кончины, подробно описывает его последние часы, как будто хочет убедить читателя, что фельдмаршал умер именно от холеры, а не от чего-либо другого. 17 июня в Витебске, также от холеры,

умер и другой виновник неблагоприятного хода войны, цесаревич Константин Павлович. Его супруга, княгиня Лович, здоровье которой было разрушено чахоткой, смертью мужа и гибелью Польши, умерла в Царском Селе 17 ноября, в день годовщины начала восстания.

В середине июня холера, которая уже около года ходила по России, появилась в Петербурге. Опыта эффективной борьбы с этой незнакомой страшной азиатской болезнью еще не было. Главными мерами против ее распространения было устройство карантинов и оцепление зараженных мест. В сентябре прошлого 1830 года, когда холера вспыхнула в Москве, император Николай I в сопровождении генерала Бенкендорфа посетил первопрестольную. Его приезд прекратил панику и уныние. При его появлении в народе восклицали: «Ты – наш отец, мы знали, что ты к нам будешь; где беда, там и ты, наш родной». Государь много сделал того, чтобы болезнь в Москве пошла на убыль. Один раз за обедом Николай Павлович и сам почувствовал первые симптомы холеры, но благодаря лекарствам уже на следующий день был здоров.

Княгиня И. Лович. Портрет 1820-х гг.

Теперь, в разгар войны, зараза пришла в Петербург. Стремительно росло количество заразившихся. Заболел и Бенкендорф. Государь, рискуя жизнью, регулярно навещал своего соратника и друга все три недели болезни, до самого выздоровления. Холера продолжала распространяться, чему способствовала и стоявшая в эти дни небывалая для Петербурга жара. В народе начались волнения, которые усиливались слухами, что польские мятежники и доктора-немцы отравляют воду и хлеб. Докторов обвиняли в том, что они насильно держат людей в лечебницах, мучают их и травят лекарствами. 22 июня огромная возмущенная толпа простонародья выросла на Сенной площади, возле устроенной там лечебницы, и принялась громить ее. Заодно люди опрокидывали кареты, ломали и разбивали все, что видели, любого встречного чиновника в мундире и треугольной шляпе принимали за врача и избивали.

Не следует думать, что вся эта масса состояла из доведенного до отчаяния честного трудового народа. Сенная площадь и ее окрестности издавна были насыщены воровскими притонами, сомнительными кабаками, это место было прибежищем воров, грабителей, мошенников, попрошаек, скупщиков краденого, шарлатанов, пьяниц и проституток. Для этих людей атмосфера бунта и разгрома, ими же подогреваемая, была удобна для грабежей и выхода дурной энергии.

Полиция и небольшой караул при гауптвахте не смогли противостоять разъяренной толпе. Был вызван 2-й батальон Л.-гв. Семеновского полка. Грозный строй солдат с барабанным боем вошел на площадь. Толпа, которая насчитывала от 5 до 7 тысяч человек, разбежалась по соседним улицам и продолжала шуметь. Это был только временный успех, и беспорядки в разных частях города продолжались. 2-е батальоны гвардейских полков сдерживали их. Как оказалось, эти части не напрасно были во время войны оставлены в городе, и теперь очень пригодились.

Император Николай I усмиряет бунт на Сенной площади. Французская литография 1830-х гг.

Государю, который находился в Петергофе, было послано донесение о положении в столице, и на следующий день, 23 июня, император Николай Павлович на пароходе «Ижора» прибыл в Петербург. В открытом экипаже он проехал по городу в сопровождении князя Меньшикова, по пути поблагодарив за верную службу батальон Л-гв. Преображенского полка, и на Сенной площади въехал в середину толпы.

Привстав в экипаже, Николай I своим грозным зычным голосом обратился к толпе: «Вчера учинены злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков; они вас поучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали вы Бога, обратимся к церкви, на колени, и просите у Всемогущего прощения». После этих слов вся толпа опустилась на колени и начала истово креститься. Государь продолжал свою речь, все были полны раскаяния, и только несколько недовольных голосов пытались возразить монарху. Николай Павлович крикнул: «До кого вы добираетесь, кого вы хотите, не меня ли? Я никого не страшусь, вот я!» Народ в восторге и слезах закричал «ура». Император поцеловал одного старика и покинул площадь.

Государь через два дня снова объезжал город, разговаривал с народом, распоряжался о борьбе с эпидемией, о постройке еще одной больницы. Волнения постепенно прекращались. В середине июля в новгородских военных поселениях император таким же образом усмирил все беспорядки личным присутствием и разговорами с народом. Пушкин в дневнике отмечал: «Свидетели с восторгом и изумлением говорят о мужестве и силе духа императора».

А.С. Пушкин. Худ. О. Кипренский. 1827 г.

Холера постепенно пошла на убыль, и в августе эпидемия в Петербурге прекратилась. В дальнейшем она вспыхивала в столице в 1848 и 1854 годах, но уже не вызывала такой паники и смуты. Все эти эпидемии приходились на военное время, и армия также была охвачена холерой, но это не нарушало порядок, дисциплину и не влияло на ее боевые качества. Большинство заболевших выздоравливало. Например, в Л.-гв. Финляндском полку, который выступил в Польский поход двумя батальонами в количестве 2 296 человек, в течение 1831 года умер от холеры 71 человек. Согласно полковым документам, в июне заболели 146 человека умерли 8, в июле заболели 205, умерли 7, в августе заболели 242, умерли 5 и так далее. В Л.-гв. Конном полку, который в походе насчитывал около 700 человек, за время войны умерло «от обыкновенных болезней» 33 человека, от холеры – 17, «скоропостижно» – 3 человека.

Вскоре после беспорядков на Сенной площади зрелый, возмужавший, мудрый Пушкин, патриот и монархист, отмечая решительность и бесстрашие императора, переживая за спокойствие и порядок в России, писал: «Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмирится присутствием государя. Однако же сие решительное средство, как последнее, не

должно быть всуе употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнение площади, – и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестанет скоро бояться таинственной власти и начнет тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе голос для возражений. Такие разговоры неприличны, а прения площадные превратятся тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж»[26].

Вскоре после усмирения бунта военные поселения были преобразованы в округа пахотных солдат. Жители этих округов не привлекались поголовно на военную службу, а отбывали рекрутскую повинность на общем основании. При этом они оставались всецело в ведении военного начальства. Так закончилась история военных поселений в том виде, в каком они потрясли и ужаснули Николая Павловича еще в бытность его великим князем.

И.Ф. Паскевич. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

13 июня в Польшу прибыл новый главнокомандующий, фельдмаршал Иван Федорович Паскевич. Под его началом русская армия, усиленная свежими войсками, нанесла полякам

[26] Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. Л., 1975. Т. 7. С. 265–266.

ряд ударов, провела успешный маневр, осадила Варшаву, и после двухдневного штурма, 26 августа, в годовщину Бородинского сражения, город был взят.

После капитуляции польская армия, которая была отпущена с оружием и с почетом, вероломно нарушила договоренность и продолжила военные действия. Этим поляки окончательно потеряли доверие в глазах русского императора. После их полного разгрома была отменена польская конституция, и Царство Польское обращено в русское генерал-губернаторство. Во главе его был поставлен фельдмаршал Паскевич, получивший за свою победу титул князя Варшавского. В марте нового 1832 года Петербург встречал вернувшуюся из Польского похода гвардию, увенчанную победными лаврами.

Рядовой Л.-гв. Уланского полка. Литогр. Л. Белоусова. Кон. 1820-х – нач. 1830-х гг.

Патриотический подъем в русском обществе, вызванный этой войной, мог сравниться с временами 1812 года, когда поляки в составе армии Наполеона участвовали в нападении на Россию, и 1612 года, когда К. Минин и Д. Пожарский освобождали нашу страну от польских захватчиков.

На известие о варшавской победе А.С. Пушкин откликнулся стихотворением «Бородинская годовщина», где были слова:

Сбылось, и в день Бородина
Вновь вторглись наши знамена

В проломы падшей вновь Варшавы,
И Польша, как бегущий полк,
Бросает в прах свой стяг кровавый,
И бунт раздавленный умолк[27].

Знаменитый герой Отечественной войны, легендарный поэт-партизан, генерал-майор Денис Васильевич Давыдов с началом Польской кампании вернулся из отставки на службу и, командуя кавалерийскими соединениями, одержал ряд новых лихих побед. Позже он писал об этом в третьем лице: «Тяжкий для России 1831 год, близкий родственник 1812-му, снова вызывает Давыдова на поле брани. И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного гражданства, не забилось сильнее при первом известии о восстании Польши?»[28]

Атака лейб-гусар под Варшавой. Худ. Б. Виллевальде. 1857 г.

[27] Там же. Т. 2. С. 271.

[28] Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова // Денис Давыдов. Дневник партизанских действий. Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. М., 1985. С. 267.

Д.В. Давыдов. Худ. Д. Доу. 1820-е. гг.

Многие молодые дворяне с началом войны устремились в военную службу и мечтали попасть в действующую армию. Преображенский офицер Г.П. Самсонов так вспоминал свой юношеский энтузиазм: «Учение мое шло успешно до 6-го класса, но в этом последнем классе пансиона резко изменилось. Виноваты, как это ни странно, были поляки. По объявлении войны с ними у всей молодежи закипел воинственный дух. Мне было 16 лет, и, конечно, этот вихрь захватил и меня в ущерб учению. Проведший детство в деревне при хороших условиях, я был здоровый, крепко сложенный юноша и к тому же с 7-ми лет привык сидеть на лошади. Эти данные поселили во мне уверенность, что трудности похода я перенесу легко и на поле брани с честью поддержу свое имя. Энтузиазм мой поддерживался еще более сознанием, что оба мои брата готовятся со своими частями к выступлению на театр военных действий»[29].

М.Ю. Лермонтов в это время написал стихотворение «Поле Бородина», хорошо известное в более позднем варианте под названием «Бородино». Через несколько лет в романе «Княгиня Лиговская» его любимое детище Григорий Александрович Печорин отличается в боях и получает офицерский чин при усмирении мятежной Польши. Знаменитый «Герой

[29] Самсонов Г.П. Из записок старослужившего // Исторический вестник. 1901. Т. 86. № 12. С. 925.

нашего времени» – это второй роман о Печорине, а в первом, неоконченном, романе «Княгиня Лиговская» более ранний образ Печорина несколько отличается от того, который стал классическим. В описании его внешности явно угадывается сам Лермонтов, а биография Печорина до кавказской ссылки – это биография Лермонтова, приукрашенная военными эпизодами. Сам автор по молодости не принимал участия в Польской кампании, но своего героя он делает на несколько лет старше, чтобы отправить его на войну: «До девятнадцатилетнего возраста Печорин жил в Москве. С детских лет он таскался из одного пансиона в другой и, наконец, увенчал свои странствования вступлением в университет…

М.Н. Загоскин. Литография 1830-х гг.

Между тем в университете шел экзамен. Жорж туда не явился; разумеется, он не получил аттестата…

В комитете дядюшек и тетушек было положено, что его надобно отправить в Петербург и отдать в Юнкерскую школу; другого спасения они не видели – там, говорили они, его пришколят и выучат дисциплине.

В это время открылась Польская кампания, вся молодежь спешила определяться в полки; вступать в школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера второго класса не

должны были идти в поход. Он почти на коленях выпросил у матери позволение вступить в Н… гусарский полк, стоявший недалеко от Москвы…

М.И. Глинка. Неизв. худ. 1837 г.

Печорин в продолжение кампании отличался, как отличается всякий русский офицер, дрался храбро, как всякий русский солдат, любезничал с многими паннами, но минуты последнего расставания и милый образ Верочки постоянно тревожили его воображение…

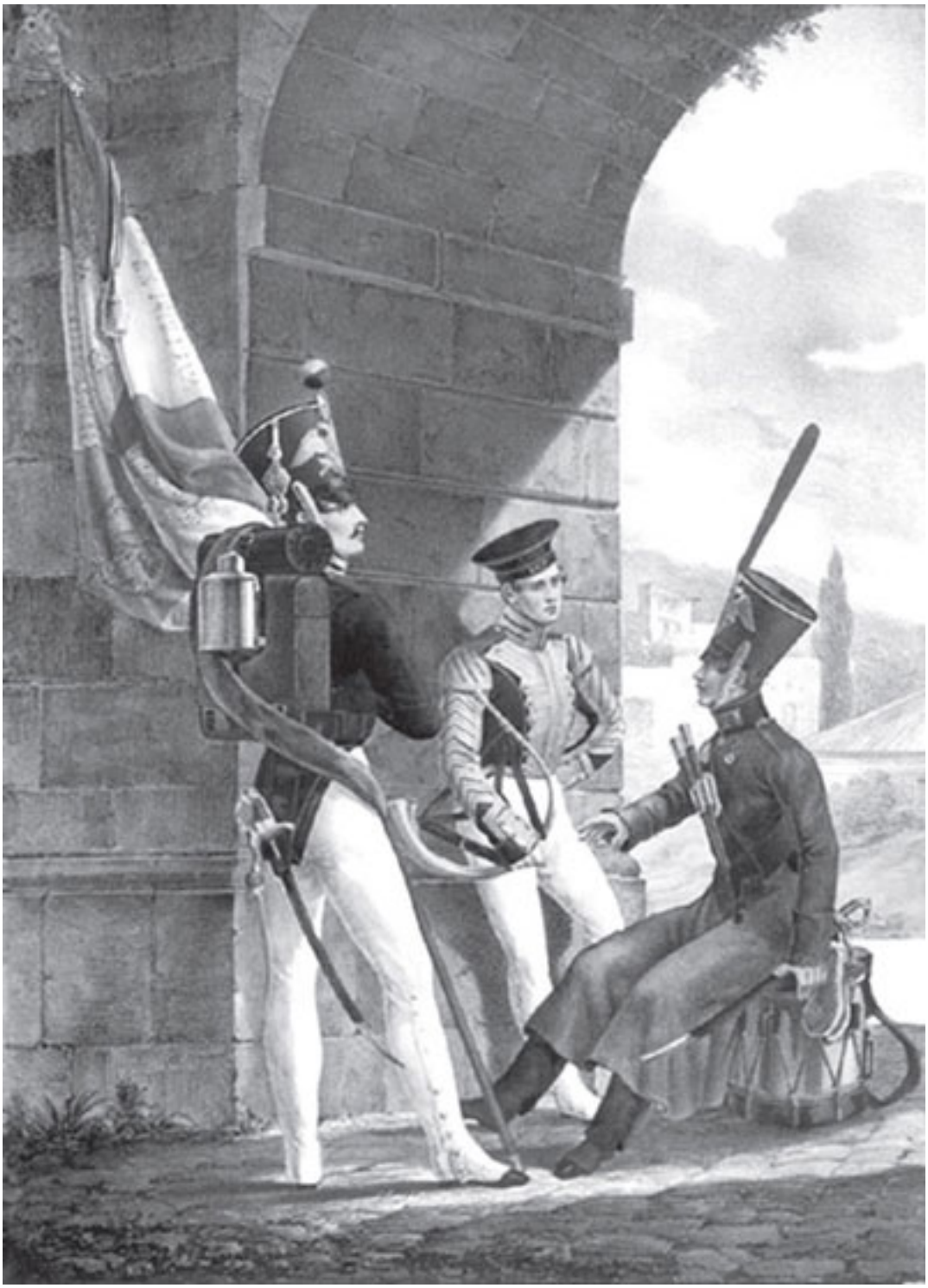
После взятия Варшавы он был переведен в гвардию, мать его с сестрою переехали жить в Петербург»[30].

Роман Михаила Николаевича Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», написанный еще в 1829-м, приобрел особую популярность во время Польской кампании и стал тогда основой для театральной постановки в Москве, затем многократно переиздавался, только при Николае I выдержал он 8 изданий. В 1831 году писатель создает новый, такой же популярный и такой же патриотический роман «Рославлев, или Русские в 1812 году».

Композитор Михаил Иванович Глинка давно уже вынашивал планы создания русской национальной оперы. По совету поэта В.А. Жуковского он обратился к теме противостоя-

[30] Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1986. Т. 4. С. 150–154.

ния России и Польши. В 1836 году в Петербурге состоялась премьера оперы Глинки «Жизнь за царя», посвященной событиям начала XVII века, огромному патриотическому подъему русского народа под руководством Минина и Пожарского, освобождению от польской оккупации и воцарению первого из династии Романовых – царя Михаила Федоровича. Центральный персонаж Иван Сусанин совершает подвиг самопожертвования, вызвавшись быть проводником для отряда напавших на Русь поляков, заводит их в лесные дебри, откуда нет выхода, и гибнет от рук разъяренных захватчиков. На сцене гордые польские паны хвастливо обещали покончить с «холопской Москвою», а в зале сидели недавние победители поляков с наградами за кампанию 1831 года.



Знаменосец, сигналист и барабанщик Л.-гв. Финляндского полка. Литография Л. Белоусова. Ок. 1828–1833 гг.

Следующие пушкинские строки словно подводят итог первых лет николаевского царствования, ставших периодом серьезных испытаний для государя, гвардии, армии и народа. Во главе с сильным и решительным монархом Россия выдержала восстание декабристов, персидскую и турецкую кампании, европейские революции, антирусскую истерию и бешеный поток клеветы со стороны западных стран, холерные бунты и тяжелый Польский поход, и вышла победителем:

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец, мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж, все стоит она!
А вкруг нее волненья пали
И Польши участь решена…[31]

[31] Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. Л., 1975. Т. 2. С. 272–273.

Глава 4
«По команде верховного вождя своего»

Он наш русский царь в полном и лучшем значении этого слова. Он был самым национальным из наших монархов, занимавших до него престол Петра Великого.
М.М. Бородкин. Венчанный рыцарь и его тернистый путь

Как справедливо отмечает историк Л.В. Выскочков, «несомненно, Николай I во многом соответствовал тому ожидаемому облику русского государя, который сложился в народном восприятии»[32]. Действительно, это был истинно русский человек по характеру, по широте души, по преданности православной вере, любви к Отечеству и русскому народу. Он самоотверженно служил России и считал себя ответственным перед Богом за ее судьбу. Этой службе была подчинена вся его жизнь. Злопыхатели могут указать на значительный процент немецкой крови в его жилах и развить на этой основе целый миф о том, что русские неспособны сами управлять собой и ими всегда правят иностранцы. На самом деле немецкая «примесь» в крови царей и королей – явление, характерное для всех основных европейских монархий, и никого не смущает. В Англии целых два века – XVIII и XIX – царствовала немецкая Ганноверская династия, первые представители которой даже не знали английского языка. Династические браки породнили все правящие дома Европы, но это не мешало каждому государю править в интересах своей страны. Принцессы многочисленных германских государств были желанными невестами для сыновей всех правителей. Традиционным «упреком» Русскому императорскому дому является еще и то, что начиная с Петра III все Романовы наследовали фамилию русских царей по женской линии, а по мужской имели предками Голштейн-Готторпскую династию. Но и это не ставит Россию ниже других монархий. Австрийская династия Габсбургов тоже унаследовала свою фамилию по женской линии, когда пресеклась мужская.

Третий сын императора Павла Петровича и императрицы Марии Федоровны, Николай, родился по старому стилю 25 июня 1796 года. Царственная бабка Екатерина II, обрадованная появлением на свет внука, писала: «Сегодня в три часа утра мамаша родила громадного мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он в аршин без двух вершков. А руки немного поменьше моих. В жизнь свою в первый раз я вижу такого рыцаря… Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом…

Я стала бабушкой третьего внука, который по необыкновенной силе своей предназначен, кажется, также царствовать, хотя у него и есть два старшие брата»[33].

Слова Екатерины оказались пророческими.

Императрица-мать Мария Федоровна старалась хотя бы младших сыновей, Николая и Михаила, уберечь от излишнего увлечения военным делом. До 1813 года они ходили в гражданской одежде. Во время Отечественной войны 1812 года оба рвались в действующую армию, сражаться с захватчиками, но не получили разрешения.

Воспитателем великих князей Николая и Михаила с 1800 года был генерал М.И. Ламздорф. Выбор оказался неудачным. Человек неинтересный, жестокий, мелочно-придирчивый, помешанный на строгих наказаниях, Ламздорф не смог привить им интереса к наукам. Впоследствии сам Николай Павлович признавался в своей недостаточной образованности,

[32] Выскочков Л.В. Император Николай I. Человек и государь. СПб., 2001. С. 388.

[33] Ермилов Н. Черты из жизни императора Николая I. СПб., 1900. С. 3.

говоря по тому или иному поводу: «Я этого не знаю, да и откуда мне знать с моим убогим образованием? В 18 лет я поступил на службу и с тех пор – прощай ученье! Я страстно люблю военную службу и предан ей душой и телом. С тех пор, как я нахожусь на нынешнем посту, я очень мало читаю… Если я и знаю что-то, то обязан этому беседам с умными и знающими людьми»[34].

Император Николай I. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

Государь с долей иронии над собой преуменьшал свои знания, которые в действительности были не меньше, чем у многих дворян, считавшихся образованными. Сверх этого Николай Павлович хорошо изучил математику, военно-инженерное и артиллерийское дело, несколько иностранных языков, и затем всю жизнь, как только мог, расширял свой кругозор, общаясь с самыми яркими, просвещенными, умными людьми своего времени. Только хоро-

[34] Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 525.

шее знание истории и экономики России позволяли ему проводить свои постепенные преобразования, которые заметно улучшили жизнь крестьян и снискали ему народную любовь.

Император Николай I. Итальянский барельеф. Кон. 1820-х гг.

В 1814 году, когда война уже заканчивалась, Николай с Михаилом были отпущены матерью в действующую армию и совершили свою первую поездку по Европе. В дальнейшем Николаю Павловичу довелось неоднократно путешествовать и по западным странам, и по разным областям России, пытливо вникая во все подробности жизни за границей и в своем Отечестве. В 1815 году состоялась помолвка великого князя Николая с той, которую он полюбил на всю жизнь, – с принцессой прусской Шарлоттой, дочерью короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. В 1817 невеста великого князя прибыла в Россию и, приняв православие, получила имя Александры Федоровны. Вскоре состоялось бракосочетание, которое соединило двух любящих людей на долгую и счастливую совместную жизнь, – редкий пример среди династических браков.

Одновременно с семейной жизнью для Николая Павловича началась и действительная военная служба. Будучи великим князем, он всецело отдавал себя военному делу и семье. Аничков дворец в Петербурге на Невском проспекте был домом для молодой четы до того момента, как им суждено было стать императором и императрицей.

Император Николай I. Худ. В. Тимм. 1840 г.

Николай I, которого никто специально не готовил к нелегким царским обязанностям, относился к ним как к самой ответственной службе, и стал самым «военным» из русских царей. Служивший в 1840-х годах офицер, фамилия которого не сохранилась, оставил восторженные воспоминания о государе: «Каких только гвардейских мундиров не видел я за это время на Николае Павловиче, и все они шли к нему, что же касается до посадки его на коне, то такого молодца кавалериста, несмотря на его мощную, прямо богатырскую фигуру, редко

можно было встретить. Государственные дела не допускали Николая Павловича заниматься не только исключительно, но даже лишний раз войсками и военными делами, тем не менее всякому бросалось в глаза, что он был военным по призванию, и совершенно доволен, когда, гарцуя на коне, объезжал свои войска или, стоя на месте, пропускал их мимо себя церемониальным маршем.

Николай Павлович любил окружать себя военными и всегда и во всем отдавал им предпочтение. Ни у одного из русских императоров не было столько флигель-адъютантов, свиты генерал-майоров и генерал-адъютантов, сколько у него, и ни у кого не было так много министров в военном мундире. Несомненно, что трех своих министров, носивших гражданские чины, он с удовольствием заменил бы военными, если бы нашел между сими последними специалистов, способных принять их портфели»[35].

Император Николай I. Акварель Л.И. Киля. 1836 г.

Историк начала XX века подчеркивает: «Николай Павлович прежде всего был воин. Он всегда увлекался военным делом, парадами, экзерциями, маневрами. Да, эта особенность проходит заметной чертой через всю его жизнь. Его сроднили с военной сферой дисциплина

[35] Эпоха Николая I. М., 1911. С. 18, 21.

и тот порядок, который господствовал в военной среде и коим он придавал особенно важное значение. Он любил то самопожертвование, то умение начальствовать и повиноваться, без коих нет воинского духа»[36].

Знаменитая военная походка императора была увековечена писателем Н.С. Лесковым: «Голова прямо, грудь вперед, шаг маршевый, крупный и с наддачею, левая рука пригнута и держит пальцем за пуговицей мундира, а правая или указывает куда-нибудь повелительным жестом, или тихо, медленным движением, обозначает такт, соответственно шагу ноги»[37].

Император Николай I принимает рапорт от князя А.Я. Лобанова-Ростовского. Худ. А. Ладюрнер. 1830-е гг.

О том, с какой неприязнью Николай Павлович относился к штатским бездельникам и вольнодумцам, говорил следующий анекдот. Государь просматривал архитектурные про-

[36] Бородкин М.М. Венчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьков, 1914. С. 106.

[37] Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990. С. 6.

екты. На одном из них был для масштаба нарисован человек – штатский франт в широкополой шляпе, ярком сюртуке, цветистом жилете и клетчатых панталонах. Несчастный был уничтожен жирным крестом и гневной резолюцией: «Это что за республиканец?!» С тех пор на таких проектах рисовали только военных.

Сам государь признавался в причинах, по которым армия и военные люди вызывали его наибольшие симпатии и доверие: «Здесь, между солдатами, и посреди этой деятельности я чувствую себя совершенно счастливым. Здесь порядок, строгая законность, нет умничанья и противоречия, здесь все одно с другим сходится в совершенном согласии. Никто не отдает приказаний, пока сам не выучится повиноваться; никто без права друг перед другом не возвышается, все подчинено определенной цели, все имеет свое значение, и тот самый человек, который сегодня сделает по команде на караул, завтра идет на смерть за меня. Только здесь нет никаких фраз, нет лжи, которую видишь всюду. Здесь не поможет никакое притворство, потому что каждый должен рано или поздно показать, чего он стоит в виду опасности и смерти. Оттого мне так хорошо между этими людьми, и оттого у меня военное звание всегда будет в почете. В нем повсюду служба. И самый главный командир тоже несет службу. Всю жизнь человеческую я считаю не чем иным, как службой: всякий человек служит»[38].

Легендарно суровая дисциплина николаевской армии считалась главным условием порядка и безопасности государства, позволяла императору надеяться на беспрекословное подчинение, верность долгу и присяге, непоколебимую стойкость и самопожертвование своих войск. Русский солдат – в большинстве своем серьезный, послушный и набожный – был по своей природе монархистом, хотя и не знал этого слова. Для него не было на земле никого выше царя. Служба в гвардии была самой почетной, но и самой сложной. Здесь, на виду у императора, было больше шагистики и ружейных приемов, строже требования к форменной одежде, жестче регламентация всех служебных мелочей. Зато царь был здесь не абстрактной фигурой, а реальным, зримым земным отцом, который мог запросто поговорить с любым из солдат, расспросить о его нуждах, особенно при посещении своих любимых частей.

[38] Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. СПб., 2002. Т. 1. С. 57.

Унтер-офицер Л.-гв. Преображенского полка в 1833–1843 гг.

Знаменосец и тамбур-мажор Л.-гв. Преображенского полка. Литография Л. Белоусова. Ок. 1828–1833 гг.

Любимым полком гвардейской пехоты был у Николая I Л.-гв. Преображенский. В день восстания декабристов 1-й батальон полка первым выступил на Сенатскую площадь на стороне законного государя. Обладая великолепной памятью, император знал по именам всех солдат батальона, которых было 1000 человек, и говорил о них «мои детишки». Один из офицеров полка, Дмитрий Григорьевич Колокольцев, отмечал в своих воспоминаниях: «Его величество ежегодно, в день 14 декабря, вместе с императрицею, безо всякой свиты приезжал в казармы 1-го батальона, расположенного на Миллионной, рядом с дворцом…

Государь ко всем солдатам относился с необыкновенно милостивым вниманием и, обойдя каморы женатых, его величество не уезжал без того, чтобы не сделать в этот день какой-нибудь особой милости для какой-нибудь семьи солдата. А к нам, к обществу офицеров Преображенского полка, государь обращался с такими словами, которых не может не помнить каждый, кто только тогда имел честь служить в Преображенском полку. Его величество не преставал нам повторять, что нас он считает не иначе как своей семьей»[39].

В кавалерии для государя не было ничего ближе и роднее, чем Л.-гв. Конный полк, «моя старуха конная гвардия», как ласково приговаривал Николай Павлович. Конногвардейские вицмундиры и сюртуки были его любимой повседневной одеждой. Знаменитый памятник работы П.К. Клодта, стоящий вблизи Конногвардейского манежа и казарм, представляет собой скульптуру Николая I на коне, в парадной форме полка, в кирасе и каске с орлом.

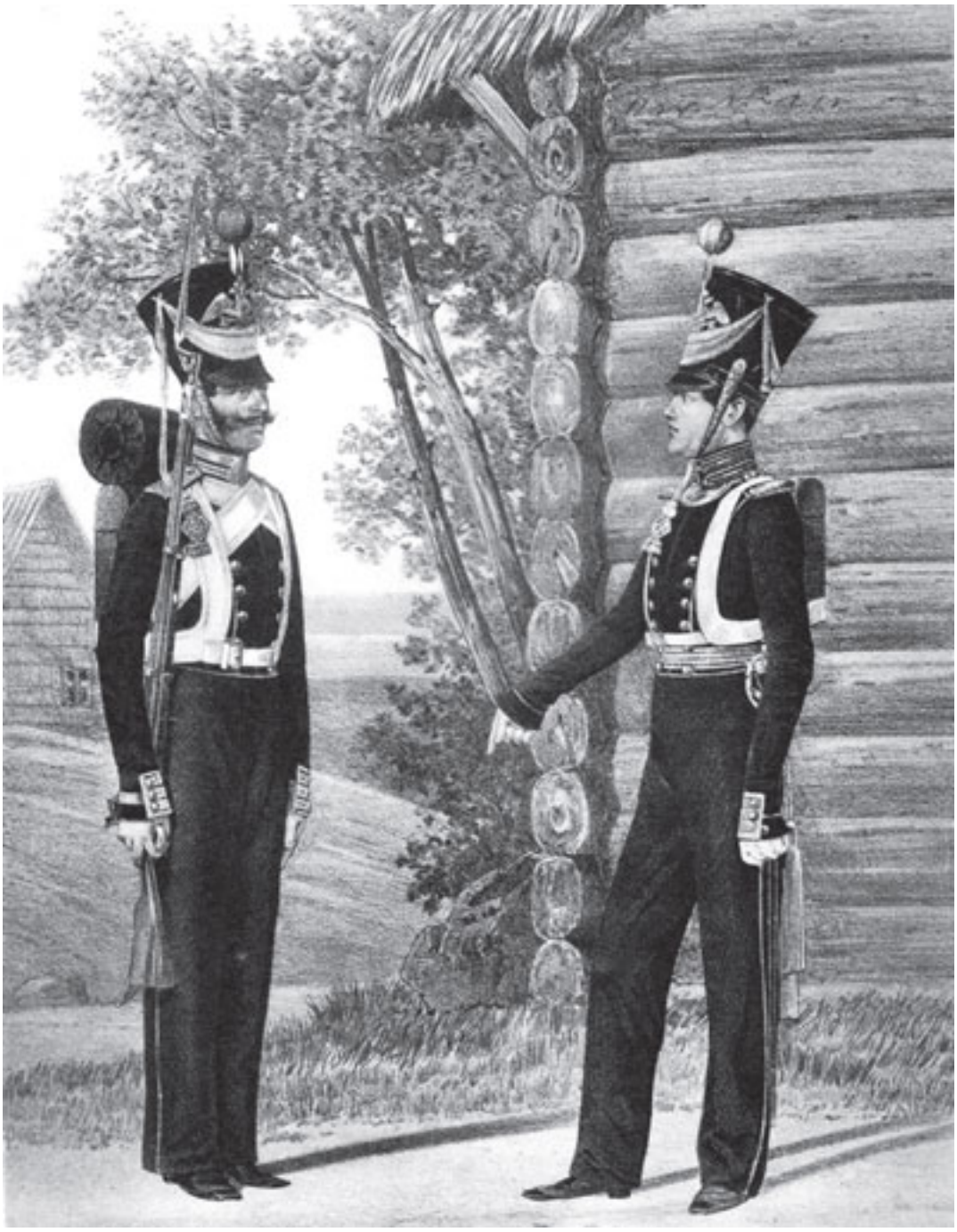
[39] Колокольцев Д.Г. Л.-гв. Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера. 1831–1846 // Русская старина. 1883. Т. 38. № 5. С. 291.

Рядовой Л.-гв. Конного полка в 1838–1844 гг.

В день восстания декабристов Л.-гв. Конный полк, которым тогда командовал близкий друг Николая I Алексей Федорович Орлов, несколько раз атаковал мятежное каре. Полковой историограф Иван Васильевич Анненков, перечисляя многочисленные награды, полученные конногвардейцами за верность престолу, писал: «К ним присоединилась еще лестнейшая награда: особенная честь ежегодно, до 1841 года, в день 14 декабря, видеть особу государя императора в самом полку»[40].

[40] Анненков И.В. История Л.-гв. Конного полка. СПб., 1849. С. 268.

Третьей любимой гвардейской частью для Николая I был Л.-гв. Саперный батальон, который в день восшествия его на престол защищал Зимний дворец. Один из его офицеров, Владимир Иванович Ден, писал: «…в Саперном батальоне в государе Николае Павловиче, со времен назначения его шефом (в 1818 году, 3 июля) привыкли видеть доброжелательного, чарующего своим милостивым обращением, начальника…»[41].



Унтер-офицер и обер-офицер Л.-гв. Саперного батальона в 1826–1828 гг.

Любовь Николая I к законности, порядку, строгости и справедливости стали легендарными. Лично бывая на военных смотрах, в военных и гражданских учреждениях, в учебных заведениях, на строительстве оборонительных и других важных объектов, он всегда

[41] Ден В.И. Записки генерал-лейтенанта В.И. Дена // Русская старина. 1890. Т. 65. № 1. С. 78.

сопровождал свои замечания и разносы конкретными советами по исправлению ситуации. Государь поднимался в 7 часов, в 9 начинал принимать доклады, решать большие и малые государственные вопросы. Его рабочий день длился 16–18 часов. Замкнув все управление огромной империей на себя, он трудился, по собственному признанию, «как раб на галерах». Ненавидя бюрократическую чиновничью волокиту, он никогда не допускал проволочек у себя. Когда во время пожара во дворце граф А.Ф. Орлов спросил, не нужно ли вынести бумаги из его кабинета, его величество ответил: «У меня нет там никаких бумаг. Я оканчиваю свою работу изо дня в день и все мои решения и повеления тогда же передаю министрам, из кабинета надо взять только три портфеля, в которых собраны дорогие моему сердцу воспоминания»[42]. Приезжая с императрицей во дворец вечером, после театра или бала, император снова проходил в свой кабинет и работал до глубокой ночи.

Кабинет Николая I. Литография 1850-х гг.

По многочисленным свидетельствам современников, император Николай I вел самый здоровый и умеренный образ жизни, не курил и не выносил курения в своем присутствии. Оставаясь щедрым хлебосольным хозяином для гостей, он был непритязателен в пище, не любил деликатесов, его любимыми блюдами за домашним обедом были простые щи и гречневая каша. Он почти не пил спиртного, и во время зарубежных поездок на приемах он обычно просил заменить ему вино стаканом воды. Как самый набожный православный христианин, Николай Павлович не пропускал ни одного воскресного богослужения. Император много ходил пешком, занимался строевыми упражнениями с оружием, спал на жесткой кровати, укрываясь шинелью. Его распорядок был строгим и насыщенным.

[42] Пыляев М.И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 103.

Император Николай I и герцог Лейхтенбергский в санях в одну лошадь. Литография П.Т. Бориспольца. 1841 г.

Для отдыха Николай Павлович каждый день совершал прогулки по городу, утром и вечером ходил пешком, днем выезжал в экипаже, летом в открытой коляске, зимой в небольших санях, иногда с кучером, иногда управлял сам, а бывало, что садился на обычного городского извозчика. Особенно государь любил пешие прогулки по Петербургу. Русский император, могущественный повелитель необъятной Российской империи, один, без всякой охраны, пешком ходил по своей столице, среди народа, каждый раз в одно и то же время, привычными маршрутами, и никому не приходило в голову совершить на него покушение!

Николай I отличался огромным ростом – 2 аршина 14 вершков, что составляло 203,6 см. В отличие от своего далекого предка Петра Великого (прапрадеда), государь имел пропорциональное, соразмерное телосложение, что в сочетании с великолепной прямой осанкой делало его фигуру монументальной и величественной. Исполинский рост русского монарха уже сам по себе производил впечатление на окружающих, особенно на иностранцев, внушал трепет и почтение.

Император Николай I. Худ. Н.А. Майков. 1840 г.

Ему было приятно сравниться с самыми высокими и статными людьми России, из которых состояла 1-я гренадерская рота Л.-гв. Преображенского полка – Рота Его Величества. Офицер Колокольцев вспоминал: «Случалось иногда, что государь Николай Павлович лично делал проверку своей роты; сам становился в переднюю шеренгу своих гренадер, и, насколько я теперь припомнить могу, его величество оказывался 18-м или 19-м с правого фланга по ранжиру»[43].

[43] Колокольцев Д.Г. Указ. соч. // Русская старина. 1883. Т. 38. № 5. С. 294.

Император Николай I и малолетний вел. кн. Константин Николаевич в Петергофе. Акварель Л.И. Киля. 1832 г.

Современник, впервые увидевший государя в 1828 году во время Турецкой войны, вспоминал: «Император Николай Павлович был тогда 32-х лет; высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к тенору, но говорил несколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но была видна какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем высказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. В физическом отношении он был превосходнее всех мужчин из генералитета и

офицеров, каких только я видел в армии, и могу сказать поистине, что в нашу просвещенную эпоху редкость видеть подобного человека в кругу аристократии»[44].

Другой офицер отмечает: «Голос у государя был необыкновенный. Когда он командовал, никакого усилия с его стороны не замечалось, крика не было слышно и ухо получало мягкое, приятное впечатление, но команда эта слышна была, как выражаются, за версту»[45].

Император обладал великолепным даром слова, его могучая живая русская речь могла остановить бунт, прекратить уныние, одушевить огромную человеческую массу.

Офицер Л.-гв. Егерского полка Г.В. Карцев с восторгом вспоминал: «Бывало, взглянет милостиво – за счастье почел бы отдать за него жизнь. В походе люди устали, еле плетутся: проедет государь, скажет слово, запляшут плясуны, зальются песни, забренчат бубны, и усталость забыта»[46].

Русских и иностранцев поражало его свободное владение языками – немецким, французским и английским, глубокие знания и грамотные суждения о самых разных предметах. При этом он правильно говорил по-русски, выгодно отличаясь от высшей аристократии, которая общалась на смеси французского и русского. Пушкин в 1834 году записал в дневнике: «В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения»[47].

[44] Тальберг Н.Д. Очерк истории императорской России от Николая I до царя-мученика 1825–1917. М., 1995. С. 32–33.

[45] Там же. С. 33.

[46] Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная война. СПб., 2002. Т. 1. С. 81.

[47] Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1976. Т. 7. С. 275.

Император Николай I. Гравюра по оригиналу Ф. Крюгера. 1830-е гг.

Человек прямой, честный и открытый, Николай Павлович запомнился современникам своим выражением лица. Даже в веселые минуты в его глазах видели затаенную грусть, происходящую от тяжелого бремени огромной власти и ответственности за всю Россию. Позднейший историк А.М. Зайончковский, синтезируя многочисленные воспоминания, пишет: «Безграничная доброта и любовь к своему народу, нежность любящего отца наравне с непоколебимой твердостью карающего судьи, врожденная доверчивость и привитая печальным опытом подозрительность, присущая ему простота сердечного человека и величие монарха, словом, все обуревавшие его душу хорошие и дурные чувства с одинаковой силой отражались на его прекрасном лице»[48].

Николай I считался одним из самых красивых и обаятельных мужчин своего времени. Античная правильность лица, голубые глаза, величественная наружность и движения, большая внутренняя сила, непреклонная воля в достижении целей, властный и неотразимый взгляд, благородные манеры, умение хорошо танцевать и вести беседу всю жизнь делали Николая Павловича весьма привлекательным для женщин. Даже провинциальные дамы и девицы, которые никогда не имели счастья лично пообщаться с обожаемым императором, были влюблены в него по портретам. Петербургские красавицы тем более не могли оставаться равнодушными к его мужскому обаянию и сильной личности.

[48] Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. 1. С. 79.

Слухи и сплетни высшего света приписывали Николаю I всевозможные любовные истории, называли имена фрейлин и придворных дам, бывших якобы фаворитками его величества. Но никаких доказательств супружеской неверности государя никто и никогда не представил – все оставалось на уровне домыслов. В атмосфере повсеместных интриг и измен верность Николая Павловича своей супруге казалась странной тем дамам, которые пытались флиртовать с ним, и тем, которые это наблюдали, обсуждали, и придумывали продолжения.

Императрица Александра Федоровна. Худ. К. Рейхель

Французские пасквили времен Крымской войны, подхваченные демократической общественностью как проявления свободной западной мысли, изображали русского импе-

ратора тираном во всех отношениях, безграничным хозяином и собственником всего, что ему подвластно, в том числе и всех приглянувшихся ему женщин. Эти фантазии, не подкрепленные ничем, кроме ненависти воюющей страны к России и ее монарху, взяли на вооружение целые поколения российских либералов и революционеров, а вслед за ними – советских историков.

Даже дореволюционные русские историки, писавшие о Николае I с уважением, попали в эту ловушку. В их трудах встречаются фразы, что государь имел фавориток, но имел их как частное лицо, и ни одна из них не могла влиять на его политику.

В действительности Николай I был порядочным человеком и образцовым семьянином. Однажды полюбив Александру Федоровну, сочетавшись с ней браком, он любил ее всю жизнь, сохраняя верность и рыцарскую преданность. Он был по-настоящему счастлив в семье, рядом с любящей женой, окруженный многочисленным потомством. Вслед за старшим сыном, наследником, которого нарекли Александром, родились три дочери – Мария, Ольга и Александра, которые по праву считались одними из самых образованных принцесс Европы, за ними еще три сына – Константин, Николай и Михаил. Все они были с детства окружены родительской любовью, получили великолепное образование и воспитание. Николай Павлович старался уберечь их от принуждения, которому сам подвергался в детстве, привить чувство ответственности и высокие моральные принципы.

Лица, близко знавшие государя, наблюдавшие его изо дня в день в течение многих лет, подчеркивали, что Николай I как человек публичный, очень занятой, почти все свое время проводивший на людях, даже теоретически не мог иметь времени ни на какие романы. Уединялся он только с императрицей. Злые языки даже его привязанность к Александре Федоровне пытались истолковать превратно, как проявление деспотизма сильной личности по отношению к слабому существу. Им не могло прийти в голову, что это просто настоящая любовь, верность и благородство. Императрица была слаба здоровьем, и император всеми силами ее оберегал, во время ее недомоганий бросал дела и мчался к ней, чтобы самому ухаживать, постоянно проявлял самую нежную заботу. В вопросах морали и супружеской верности Николай Павлович и Александра Федоровна всегда были солидарны и преданы друг другу.

Императрица Александра Федоровна с дочерьми Марией, Ольгой и Александрой. 1830-е гг.

После восстания декабристов и трех войн Николай I, уже окончательно утвердившийся в народном сознании как государь законный, сильный, честный, любимый своими подданными, имел случай проявить свое мужество и почувствовать народную признательность в испытании, когда против него был не заговор и не вражеская армия, а разбушевавшаяся стихия.

17 декабря 1837 года вечером в Зимнем дворце начался пожар. Причиной послужил огонь, вырвавшийся из отдушины дымовой трубы. Труба эта проходила внутри здания вблизи деревянной перегородки. По ней огонь добрался до стропил, связанных с потолоч-

ной системой, захватил большое пространство и начал стремительно распространяться по дворцу. Императору доложили о пожаре, когда он находился в театре. Николай Павлович немедленно прибыл в Зимний и первым делом распорядился вывезти детей в Аничков дворец. Вместе с министром Двора князем П.М. Волконским, поражая спутника своей смелостью, государь прошел по горящим и задымленным залам, над которыми уже горели карнизы и чердаки, грозя обвалом потолочных балок. Дойдя до залов, не тронутых огнем, он приказал полкам Л.-гв. Преображенскому и Павловскому и командам Гоф-интендантского ведомства выносить мебель и прочие вещи, и складывать на Дворцовой площади. Солдаты с большим энтузиазмом бросались в огонь и спасали царское добро. На помощь преображенцам и павловцам, которые были расквартированы ближе всего к дворцу и потому успели на пожар первыми, подходили другие гвардейские полки и присоединялись к работам. На площади им помогал сбежавшийся народ.

Все богатства, огромное количество утвари, бесценные картины и скульптуры, запасы серебра из дворцовых кладовых складывались у Александровской колонны. Император в первую очередь убедился, что спасены вещи императрицы, и сам отыскал ее любимую картину. Массы всевозможных предметов из дворца лежали как попало на снегу, в суете перетаскивались с места на место, их носили и складывали случайные люди. Затем все спасенное из горящего дворца имущество было помещено в Адмиралтейство, Главный штаб и Экзерциргауз, а архивы исторических документов из 69 шкафов унесены с площади в специально нанятый для их хранения частный дом.

Пожар в Зимнем дворце. Худ. В.С. Вольф. Кон. 1830-х гг.

При этом поражает, что ни одна, даже самая ничтожная вещица не была потеряна или сломана. Никому из народа не пришла в голову кощунственная мысль украсть что-либо. Пропал только один серебряный кофейник, но никто не захотел его купить, и вскоре вор был схвачен. Еще два предмета пролежали на площади до весны, а когда растаял снег, были найдены, и возвращены царской семье.

В огне погибли только часть мебели и предметы, вделанные в стены. В одном из залов император увидел целую толпу гвардейских егерей, которые пытались оторвать от стены огромное зеркало, хотя вокруг них уже все пылало. Несколько раз государь приказывал сол-

датам отступить, но им хотелось непременно спасти царскую вещь. Тогда Николай Павлович бросил в зеркало свой бинокль, от которого оно разбилось вдребезги. При этом он сказал гвардейцам: «Вы видите, ребята, что ваша жизнь для меня дороже зеркала, и прошу тотчас же расходиться». С солдатами других полков, которые, не щадя жизни, всеми силами стремились на деле доказать свою любовь и преданность государю, случались на пожаре такие же трогательные сцены.

Надеясь спасти часть дворца, где находились покои императрицы, Николай I приказал графу В.Ф. Адлербергу с батальоном Л.-гв. Семеновского полка подняться на чердак и на крышу, чтобы разрубить стропила и возвести кирпичную стену для препятствия огню. Но поскольку крышу солдаты обнаружили охваченной огнем, государь отменил свое приказание, чтобы уберечь людей. Тогда все усилия были направлены на спасение эрмитажных зданий. Всю ночь в этом принимал деятельное участие и великий князь Михаил Павлович.

Одновременно с пожаром в Зимнем дворце загорелись бедные лачуги в Галерной гавани на Васильевском острове. Зарево было замечено из дворца. Опасаясь за жителей, которые могут потерять последнее имущество, когда все силы брошены на дворец, император немедленно отправил наследника на этот новый пожар, а генерала Бенкендорфа встретить по дороге Л.-гв. Финляндский полк и передать приказание двигаться в гавань. Не имея ни единой пожарной трубы, никаких инструментов, финляндцы моментально ликвидировали пожар в гавани, растащив по бревнам все горевшее; затем, прибыв к Зимнему дворцу, работали наравне со всеми полками.

Император Николай I. Худ. В.А. Голике. 1843 г.

Непрерывным поливанием воды на стены огонь был остановлен, и эрмитажные здания были спасены. Зимний дворец догорал еще три дня. Сразу после этого множество людей всех сословий захотели принести свои деньги на восстановление императорской резиденции. Например, граф Браницкий просил позволения пожертвовать миллион рублей, а какой-то мещанин хотел отдать все свои накопления в количестве 1500 рублей. Депутаты от купцов Петербурга и Москвы лично просили государя позволить им отстроить дворец за счет купечества. Просьбы внести пожертвования доходили до Николая I отовсюду, и он вынужден был отдать указ, в котором сердечно благодарил подданных за горячее участие и отказывался от помощи: «Сии приношения не будут нужны; мы не принимаем их; но чувства, к ним побуждающие, чувства верноподданнической привязанности к нам и престолу, всегда

при всяком более или менее важном событии обнаруживающиеся с новою силою, глубоко трогают наше сердце»[49].

К Пасхе 1839 года Зимний дворец был полностью восстановлен. Пока шли работы, император с семьей и двором проживал в Аничковом дворце.

Император Николай I на простом извозчике. Рис. 1840-х гг.

Другой случай показывает, что за любимого государя русские солдаты готовы были пойти не только в огонь, но и в воду. В июле 1840 года на смотре гвардейской бригады на Марсовом поле Николай I внезапно остановил карабинерную роту Л.-гв. Финляндского полка. Участник смотра, офицер-финляндец Николай Степанович Ганецкий, вспоминал: «Государь сам скомандовал роте поворот к Лебяжьей канавке, вдоль которой проходила колонна церемониальным маршем, и, когда рота повернулась к ней и к Летнему саду лицом, раздалась команда государя „ура“. И вот рота, затянутая в новенькие мундиры, белые летние панталоны, только что вычищенные, одетая во все самое новое, с блестящей амуницией, по команду верховного вождя своего, с криком „ура“ – бросилась в Лебяжью канавку, наполненную тогда водою выше пояса, преодолела ее, и очутилась в Летнем саду, где и была остановлена. При тогдашней красоте формы, при исполнительности в точности команды, при криках „ура“ бегущей через высокую воду роты, вид ее производил, вероятно, очень сильное впечатление, особенно на иностранцев. Зная это, император, сзади которого была большая свита, иностранные послы и сопровождавшие их лица, показал перед иностранцами дисциплину своей гвардии»[50].

Народная любовь к Николаю Павловичу доходила до того, что тот или иной простолюдин из глубинки проделывал сотни верст на попутных телегах или пешком, чтобы добраться до Петербурга и посмотреть на императора. Не подать какое-либо прошение, не пожаловаться на кого-то, а просто посмотреть на «царя-батюшку», «отца», и если повезет, услы-

[49] Пыляев М.И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 104.

[50] Гулевич С.А. История Л.-гв. Финляндского полка. СПб., 1906. Т. 2. С. 201–202.

шать его голос – это составляло наивысшее счастье. Некоторые случаи и их герои подробно описаны очевидцами этих встреч, а сколько подобных русских людей из разных губерний не вошли в историю!

Офицер-преображенец Г.П. Самсонов, стоявший в карауле у Зимнего дворца, приводит характерный случай проявления любви простого народа к Николаю I: «Государь император часто приезжал из театра на простом извозчике, и раз я был свидетелем случая, когда недоумевающему вознице вынесли 25-рублевую ассигнацию, сказав, что он привез государя. Услышав это, изумленный извозчик начал целовать свою лошаденку, спрашивая ее, знает ли она, кого привезла»[51].

Николаевское царствование стало золотым веком русской культуры. Литература, живопись, скульптура, архитектура, музыка, точные и общественные науки процветали при этом государе. Николай I как император, как личность, заслужил высокую оценку самого гениального человека России – Александра Сергеевича Пушкина.

Всем известны стихи Пушкина, в которых поэт не жалеет жестоких слов для Александра I, – например, такие строки:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда[52].

Или:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном,
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал.
Зато фрунтовый был профессор,
Но фрунт герою надоел.
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел[53].

Такие обличения, в сочетании с поверхностно изученной биографией поэта, подогнанной под советские идеологические рамки, долгое время создавали образ «тираноборца» Пушкина, певца свободы, друга декабристов, почти революционера, который всю жизнь страдал от царского гнета, пока Николай I не уничтожил его руками Дантеса. В действительности же все эти стихи касались не монархии в целом, а лично Александра I. Старинный дворянский род Пушкиных всегда славился верностью и преданностью царям. Александр I, получивший трон ценой предательства своего царя и отца, Павла Петровича, давший согласие на его убийство, не вызывал у Пушкина теплых чувств.

[51] Самсонов Г.П. Из записок старослужившего // Исторический вестник. 1901. Т. 86. № 12. С. 934.

[52] Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1976. Т. 2. С. 68.

[53] Там же. Т. 4. С. 175.

А.С. Пушкин. Рис. П.А.Челищева. 1830-е гг.

Но к Николаю I Пушкин всегда относился с большим уважением и никогда не писал о нем ничего плохого. Напротив, в своих стихах и заметках Пушкин радуется приходу законного государя, который с полным правом занял прародительский престол. В стихотворении 1828 года «Друзьям» он передает здоровый дух нового царствования, намекает на действия, облегчающие участь декабристов, благодарит за свое возвращение из ссылки:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю.
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил,
Он бодро, честно правит нами.

Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.
О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.
Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и снова с вами я[54].

В стихотворении 1830 года «Герой» Пушкин не может скрыть восхищения Николаем I, который в разгар холерной эпидемии прибыл в Москву, чтобы поддержать жителей своим присутствием. Поэт не хотел, чтобы его душевный порыв приняли за лесть, и потому попросил издать эти стихи без подписи. И в дальнейших своих произведениях Пушкин всегда с Россией, с государем, которому желает успеха в труднейшем деле управления великой державой, за которого переживает, как русский человек и дворянин, неравнодушный к судьбам Отечества.

Враги и завистники не могли смириться с тем, что гордый свободолюбивый стихотворец без чинов и связей, без лести и низкопоклонства, со сложным неуживчивым характером сумел завоевать расположение и покровительство государя. Злые языки утверждали, что царские милости к Пушкину вызваны особым вниманием царя к жене поэта, Наталье Николаевне. Эти пустые разговоры и присланный Пушкину издевательский «диплом ордена рогоносцев по царственной линии» – всего лишь грязные сплетни и домыслы, не имевшие ничего общего с действительностью, попытки отомстить за дерзкие стихи и эпиграммы, за истинно русский патриотизм, мешавший прозападной российской элите.

Николай Павлович высоко ценил поэтический гений Пушкина, его честность и верность слову. Отношения царя и поэта не были простыми, но они всегда были взаимно уважительными. Государь, как мог, старался облегчить жизнь поэта, которого после первой встречи назвал умнейшим человеком России, сам стал его цензором, что означало величайшую честь, поднимало Пушкина на недосягаемую высоту. Он прощал Пушкину многое из того, чего не простил бы другим, защищал его от нападок и злословия. Пожалованное ему первое придворное звание камер-юнкера, которое вызвало ряд насмешек «светский черни», на самом деле повысило социальный статус и материальное положение поэта, открыло ему двери во дворец, и это притом, что Пушкин не имел никаких служебных обязанностей. Император не мог сразу дать Пушкину более высокий чин – это было бы неуважением к тем, кто давно несет службу. По некоторым данным, в начале 1837 года Николай I уже собирался поставить Пушкина на следующую ступень придворной иерархии, дать ему звание камергера, но не успел.

Узнав о дуэли Пушкина с Дантесом, Николай Павлович разгневался на генерала Бенкендорфа, который как шеф жандармов не сумел ее предотвратить. Император скорбел о кончине Пушкина, утешаясь, что тот умер христианином. Вслед за Дантесом, лишенным чинов, был с позором выдворен из России и его покровитель Л.-Б. Геккерен, несмотря на его дипломатический статус. Секундант Пушкина К. Данзас, которому по закону грозил расстрел, был по воле государя помилован и освобожден. Николай I заплатил все долги поэта, которые достигали немалой по тем временам суммы, многие годы заботился о его семье, а

[54] Там же. Т. 2. С. 126.

сыновей Пушкина устроил в самое престижное военно-учебное заведение – Пажеский корпус.

В.Ф. Адлерберг. Худ. Ф. Крюгер 1850-е гг.

Почти все лица, приближенные к Николаю I, которые входили к нему с докладами, получали приглашения к его столу, сопровождали в поездках, исполняли важнейшие поручения, управляли делами империи, были военными. Нередко их связывала с императором и личная дружба, зародившаяся до его восшествия на престол.

Первым другом будущего государя стал его младший брат Михаил Павлович. В детстве он разделял его игры, в период становления вырос таким же сугубо военным человеком, как и Николай, а в годы царствования Николая I и до своей кончины всегда находился рядом,

во главе Гвардейского корпуса. Всей гвардии великий князь привил такую же преданность государю, какую испытывал сам. Имея великолепную гвардию во главе с таким надежным командиром, император мог быть совершенно доволен и уверен в своей власти. В государственных делах великий князь, по замечаниям современников, имел мало влияния.

Еще одним товарищем его детских игр был граф Владимир Федорович Адлерберг. Став впоследствии адъютантом Николая Павловича, находился при нем всю его жизнь, и на войне, и в мирной службе, дослужившись до генеральских чинов, управляя Почтовым департаментом, а после смерти князя Волконского унаследовав должность министра Императорского двора.

Другие сподвижники государя были в основном старше его по возрасту – большинство из них молодыми генералами участвовали в Отечественной войне 1812 года.

И.Ф. Паскевич. Худ. Ф. Крюгер. 1834 г.

Старшим товарищем и добровольным наставником в изучении военного дела в молодые годы Николая Павловича был его тогдашний дивизионный начальник генерал Иван Федорович Паскевич. Государь навсегда сохранил сердечное дружеское отношение к своему «отцу-командиру», как называл Паскевича всю жизнь. Титул графа Эриванского стал ему наградой за Персидскую войну, чин фельдмаршала – за Турецкую, титул князя Варшавского – за победу в Польской кампании, а высокая и ответственная должность наместника Польши – знаком огромного доверия императора. Паскевич был именно тем человеком, кому можно было поручить управление самой сложной и неспокойной частью империи. С тех пор император и Паскевич виделись редко, но постоянно вели деловую и дружескую переписку. Энергичный администратор, Паскевич обладал огромной работоспособностью, вникал во все дела края. Его полководческие взгляды были здравы, но не блестящи, в лучшие годы и при хороших помощниках приводили к победам, но с возрастом его осторожность перешла в нерешительность.

А.Х. Бенкендорф. Худ. П.Н. Орлов. 1830-е г.

Граф Александр Христофорович Бенкендорф, храбрый боевой генерал, избравший для себя жандармско-полицейское поприще, был в числе тех, кто находился рядом с государем при его вступлении на престол, принимал самое деятельное участие в допросах декабристов и работе следственной комиссии. Не получив поощрения своим начинаниям при Александре I, он нашел живой отклик и дружеское расположение у Николая I в деле организации Министерства полиции, и создания III отделения Собственной его величества канцелярии. Стоя во главе III отделения, являясь шефом жандармов и близким другом государя, Бенкендорф отличался безграничной личной преданностью монарху и сопровождал его во всех поездках. Современники запомнили его как человека спокойного, добродушного, несколько рассеянного, который предоставлял всю инициативу жандармам своего отлаженного аппарата. Оберегая империю от внутреннего врага, борясь с крамолой и западными влияниями, Бенкендорф боролся и со всей русской литературой; цензоры, согласно уставу, любое сомнительно слово должны были толковать в дурную сторону. Это был один из тех немцев, которые служили не России, а престолу.

А.Ф. Орлов. С портрета 1830-х гг.

Граф, впоследствии князь Алексей Федорович Орлов, военачальник с дипломатическим талантом, которого государь называл «надежным, умным и истинно русским человеком», тоже вошел в число друзей Николая Павловича еще до вступления его на престол, а

в день восстания декабристов доказал свою преданность решительными действиями, получив в награду графский титул. Для государя он стал одним из самых надежных доверенных лиц. Николай Павлович, не желая поручать миссию дипломатам, призывал Орлова, который справлялся со всеми поручениями, и готов был по мановению монаршей руки мчаться в любую сторону света улаживать любой вопрос, находя разумный компромисс между волей государя и волей обстоятельств. Обладая несомненным умом и талантами, исправляя ошибки дипломатов и поднимая престиж России, генерал не проявлял своей инициативы, а был послушным исполнителем царских приказов. Несколько лет, не занимая постоянных должностей, Орлов исполнял важнейшие поручения в самых разных сферах жизни империи. Например, в 1839 году он был назначен попечителем наследника, сопровождал его в путешествиях. В 1844 году, после кончины Бенкендорфа, Орлов стал начальником III отделения, шефом жандармов, командующим Императорской Главной квартирой, постоянным спутником государя в его поездках.

И.В. Васильчиков. Худ. Е.И. Ботман с оригинала Ф. Крюгера. 1840-е гг.

Граф, впоследствии князь Илларион Васильевич Васильчиков, не только сподвижник, но и друг, как и большинство соратников государя старше его по возрасту – боевой генерал, участник наполеоновских войн, в день восстания декабристов находился рядом с Николаем Павловичем и убедил его в необходимости решительных мер против бунтовщиков; во время Польского восстания оставался командующим войсками в Петербурге и окрестностях. С 1838 года – Председатель Государственного совета и Комитета министров. Прямодушный и надежный, Васильчиков пользовался неограниченным доверием императора и, по отзывам современников, считался самой привлекательной личностью из его окружения.

Граф Павел Дмитриевич Киселев, военачальник, деятельный администратор и реформатор, с 1835 года – министр государственных имуществ, умный и обаятельный человек, о котором Пушкин писал: «Он, может, самый замечательный из наших государственных людей»[55]. Даже либералы более поздних времен называли его «светлой личностью николаевской эпохи». Всегда переживал за судьбу крестьянства, еще в 1816 году составил план освобождения крестьян от крепостной зависимости, который при Александре I не получил развития. Для Николая I это был верный и понимающий соратник, полностью разделявший его взгляды на крестьянский вопрос. Работая в Секретном комитете по крестьянскому делу, а затем во главе V отделения Собственной его императорского величества канцелярии (по крестьянским делам), Киселев постоянно проводил идею постепенной ликвидации крепостного права, чтобы «рабство уничтожилось само собою и без потрясения государства».

[55] Там же. Т. 7. С. 289.

Е.Ф. Канкрин. Гравюра 1830-х гг.

Единственным докладчиком императору по военным делам был военный министр, граф, впоследствии светлейший князь Александр Иванович Чернышев. При его назначении в 1832 году власть военного министра была значительно расширена, распространившись над всеми отраслями военного управления. Возвысившись еще при Александре I, Чернышев принял активное участие в борьбе с декабристами, заслужив благоволение Николая I, графский титул, чины и должности, был неизменно в фаворе у государя, получал самые ответственные посты, несмотря на то что с конца 1840-х годов здоровье его было расстроено.

Граф Петр Андреевич Клейнмихель выдвинулся с первых лет царствования Николая I, ревностно выполнял все поручения, проявляя себя как хороший организатор, и в честь его энергичной и преданной службы даже была выбита медаль на надписью: «Усердие все превозмогает». С 1842 года был Главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий. Именно Клейнмихелю принадлежат такие заслуги, как восстановление Зимнего дворца после пожара, организация работы по созданию «Исторического описания одежды и вооружения российских войск», строительство первого постоянного моста через Неву, создание железной дороги от Петербурга до Москвы. Его имя упоминается Н.А. Некрасовым в стихотворении «Железная дорога» как символ зловещей личности, беспощадного губителя рабочих-строителей, но в действительности их положение было гораздо лучше, чем изобразил поэт на волне всеобщих разоблачений людей и событий николаевского царствования.

Граф Егор Францевич Канкрин занимал должность министра финансов. Еще в годы наполеоновских войн он был генерал-интендантом, проявляя в вопросах снабжения армии провиантом большую аккуратность, бережливость и необычную для своего «хлебного места» порядочность. Во главе министерства оздоровил и упорядочил расстроенную его предшественником финансовую систему Российской империи, сделал основой денежного обращения серебряный рубль; как разносторонний экономист, способствовал развитию торгового, лесного и горного дела, учредил новые учебные заведения. Канкрину обязаны своим появлением многие красивейшие здания в Петербурге: Таможня и Биржевые пакгаузы на Стрелке Васильевского острова, Технологический институт, Лесной институт, Морской корпус, Александровский чугунолитейный завод, а также Певческий, Банковский, Никольский мосты и многое другое. Был не чужд искусству и литературе, именно он после смерти Пушкина распорядился о прощении его долга, об уплате его частных долгов и выдачи пособия семье. Генерал не вполне военный, переименованный из гражданского чиновника в интенданта, Канкрин не имел такого бравого и молодцеватого вида, как другие соратники государя. Как человек слабого здоровья, нарушал форму одежды неуставным шарфом на шее, мягкими сапогами и козырьком для защиты глаз. Император, никому не прощавший малейшего нарушения, вынужден был делать для министра финансов исключение из уважения к его блестящей деятельности на благо России.

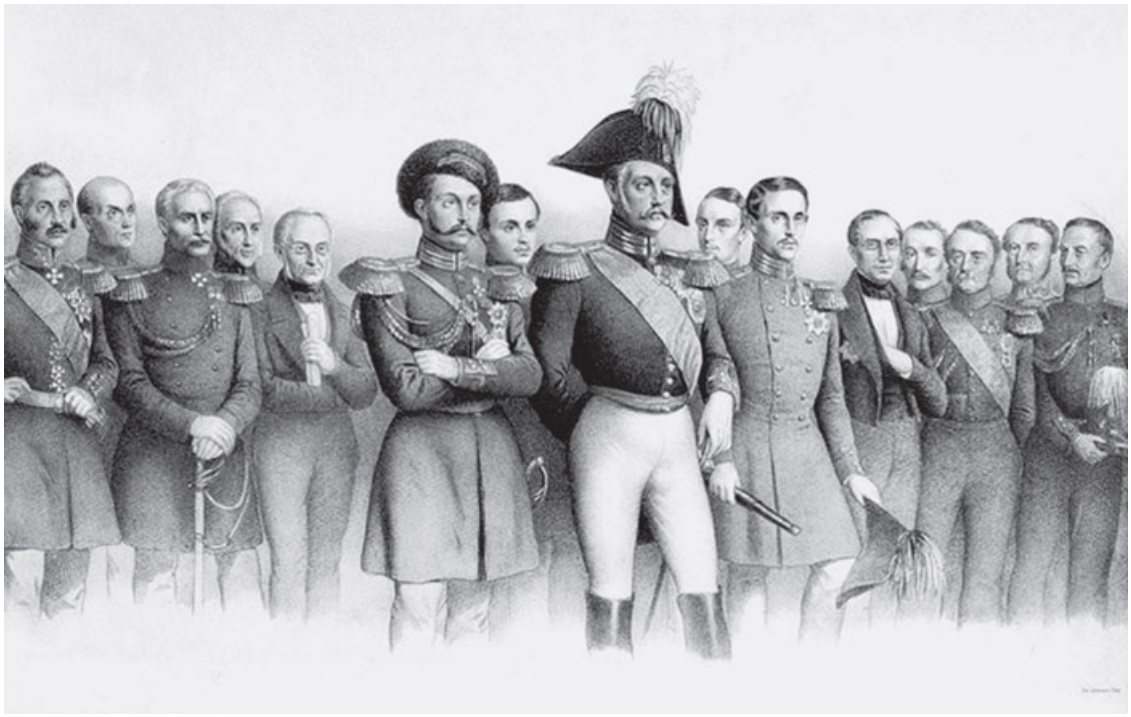
В.В. Левашов. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

Граф Василий Васильевич Левашов, известный с молодости как человек жестокий, дурного воспитания и неприятного характера, тем не менее встал на сторону солдат в расследовании «семеновской истории», и этим заслужил немилость Александра I. Был оценен Николаем I за преданность и точное исполнение его приказаний в день восстания декабристов, а во время следствия над ними вел себя с большим достоинством и многих склонил к раскаянию. Как военный губернатор западных губерний с 1831 года, Левашов сумел привести их в порядок после Польского восстания, а затем с 1838 года, как член Государственного совета и различных комитетов в Петербурге, не имел большого влияния.

Светлейший князь Петр Михайлович Волконский, способный штабной генерал, получивший известность как начальник Главного штаба еще при Александре I, стал с воцарением Николая I министром Императорского двора и уделов, занимая эту должность вплоть до своей кончины в 1852 году. С 1843 года – генерал-фельдмаршал.

Таково было военное окружение императора Николая I. Министр иностранных дел в течение многих лет, таинственная и зловещая личность граф Карл Васильевич Нессель-

роде, министр народного просвещения, создатель теории официальной народности граф Сергей Семенович Уваров и видный реформатор, автор Свода законов Российской империи граф Михаил Михайлович Сперанский были наиболее заметными из немногих гражданских фигур вблизи государя.



Император Николай I, его сыновья и сподвижники. С французской гравюры 1854 г.

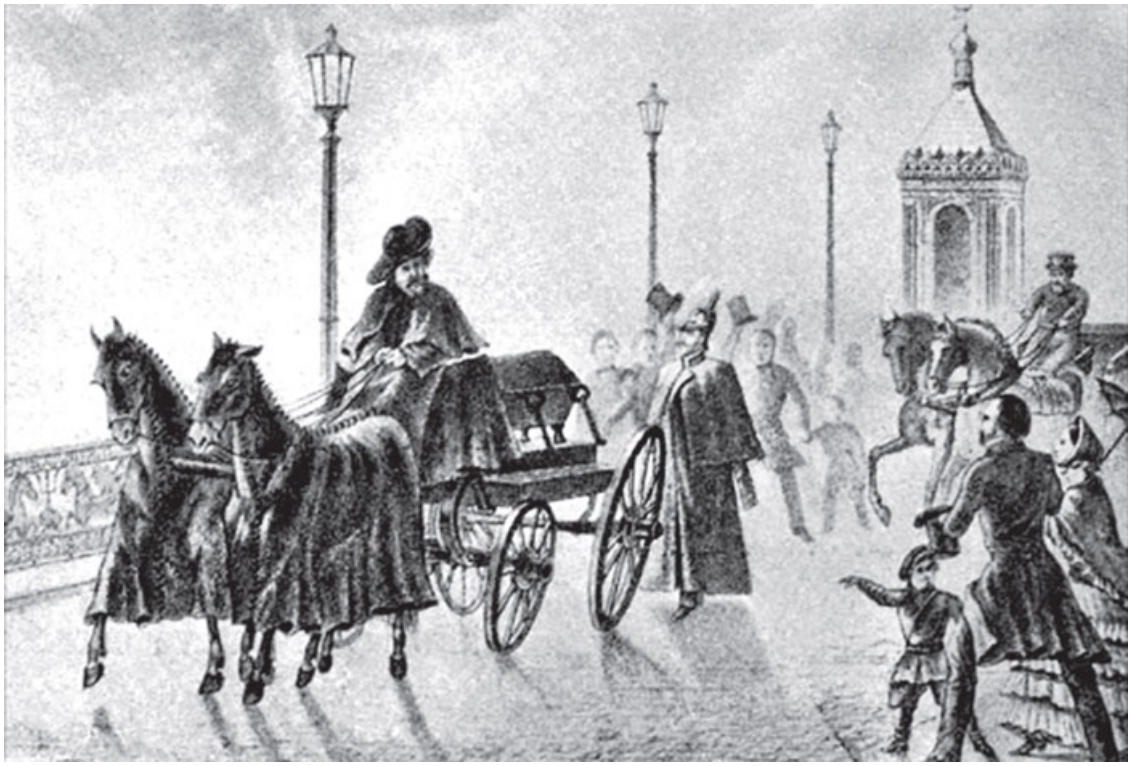
Николай I прекрасно понимал, что крепостное право – главное зло в России, что для полноценного экономического развития страны и процветания русского народа его необходимо отменить, но сделать это нужно так, чтобы не пролилась кровь и не было социальных потрясений. Восстание декабристов, а затем революции в Европе не благоприятствовали радикальным мерам, дворяне-помещики тоже не были готовы к отмене, но подготовка к реформам не прекращалась.

Долгое время Николай I, выступая за отмену крепостного права, не находил поддержки среди дворянского класса, и даже среди первых лиц государства. Киселев был едва ли не единственным, кто разделял мнение государя. Сочувствовали императору, но все равно противились его идее Бенкендорф, Левашов и Адлерберг. Категорически против отмены выступали митрополит Филарет, Канкрин, Уваров, Чернышев, Волконский, морской министр князь Меншиков, министр внутренних дел, впоследствии московский генерал-губернатор А.А. Закревский. Против был даже друг государя Орлов, а также беззаветно преданный императору, человек сугубо военный, далекий от экономических вопросов, командир Гвардейского корпуса великий князь Михаил Павлович. Более того, еще в 1848 году наследник цесаревич Александр Николаевич был против отмены крепостного права. А жандармский генерал Л.В. Дубельт даже воспевал и идеализировал крепостное состояние крестьян.

Наследник цесаревич Александр Николаевич. Худ. Е.И. Ботман. Первая половина 1850-х гг.

Непонимание приближенных, сопротивление помещиков и чиновной бюрократии не останавливало Николая I, который не уставал говорить, что это дело он должен «передать сыну с возможным облегчением при исполнении». Когда Николая Павловича не стало, перемены не возникли из ничего.

За годы своего правления Николай I целым рядом постепенных шагов существенно улучшил положение крестьян, давая им гражданские права и экономические свободы. С помощью Киселева и министра финансов Канкрина государь поднял уровень жизни крестьянства. Одновременно Николай I принял рад мер, которые юридически ограничивали власть помещиков и делали владение крестьянами экономически невыгодным. Доля государственных крестьян при нем возросла с $^1/_3$ до $^1/_2$ от общего числа.



Император Николай I, идущий за гробом бедняка. Рисунок 1850-х гг.

Все его царствование стало для него подготовкой к этой важнейшей реформе в истории страны, созданием благодатной почвы и деятелей, укреплением императорской власти, поскольку для народа царская власть всегда был превыше всего, и свободу крестьянам может дать только царь. Потрясений, которых боялись первые лица государства, не случилось. В лице наследника Николай Павлович воспитал будущего царя-освободителя. По справедливому замечанию историка, «если день 19 февраля 1861 года прошел столь спокойно, то именно благодаря подготовке Николая I; он создал ту удивительную покорность, которая была проявлена в великий исторический момент»[56].

[56] Бородкин М.М. Указ. соч. С. 50.

Глава 5
«Гвардейский корпус»

Гвардия или лейб-гвардия – с петровских времен так назывались самые лучшие, отборные войска, телохранители государя, первые и на параде, и в боях. Слово «гвардия» в европейских языках означало телохранителей, слово «лейб» – принадлежность к царствующей особе. Лейб-гвардия, в буквальном смысле – охрана государя. Старейшие гвардейские полки, созданные Петром Великим, Преображенский и Семеновский, покрыли себя славой в сражениях Северной войны, отвоевали для России место, где был заложен Санкт-Петербург. Гвардия в Петровские времена была опорой власти во всех отношениях. Это было и бесстрашное надежное войско в боях с неприятелем, и школа офицеров для армейских полков, которых производили из гвардейских солдат-дворян, и параллельный государственный аппарат для контроля за исполнением царской воли во всех военных и в гражданских делах.

После смерти Петра I роль гвардии поменялась. До конца XVIII века она крайне редко и лишь небольшими отрядами принимала участие в войнах, в основном же несла мирную службу в Петербурге и служила для подготовки офицерских кадров. Неудачный петровский закон о престолонаследии порождал борьбу претендентов за императорский трон. Тот, кто добивался поддержки гвардии, мог рассчитывать на успех. В эти годы она была орудием дворцовых переворотов.

С начала XIX века гвардия снова активно использовалась почти во всех войнах, которые вела Российская империя, гвардейские полки всегда были первыми на поле брани, добывая себе славу в боях с французами, шведами, турками, поляками.

Со временем увеличивалось и число гвардейских частей. В 1730 году к первым двум полкам добавились еще два – Измайловский и Конный. В царствование Павла Петровича появились Л.-гв. Егерский, Кавалергардский, Гусарский и Казачий полки, гвардейская пешая и конная артиллерия. Наполеоновские войны потребовали от Александра I создания новых полков; появился еще ряд гвардейских – Л.-гв. Уланский, Драгунский в кавалерии, Л.-гв. Литовский и Финляндский в пехоте, а также Л.-гв. Саперный батальон.

С Петровских времен гвардия, отдыхая между походами, размещалась в Петербурге по обывательским домам, доставляя большое неудобство горожанам, у которых солдаты и офицеры находились на постое. В 1739 году императрица Анна Иоанновна пожаловала в собственность полкам земли на городских окраинах, где были построены полковые слободы – ряды деревянных изб, окруженные огородами. К концу XVIII века на их месте выросли каменные казармы в два-три этажа. По мере появления новых гвардейских полков из Петербурга выводились полки армейской пехоты, а гвардейцы занимали их казармы. Весь XIX век они расширялись и благоустраивались. В мирное время гвардейские полки все время, кроме периода летних лагерей, располагались в казармах в Петербурге и его окрестностях. Здесь они несли службу, отсюда уходили на войну, сюда возвращались из походов.

Обер-офицер 1-й Гвардейской артиллерийской бригады в 1824–1825 гг.

Гвардейские офицеры считались на два чина выше армейских. В 1813 году в составе русских войск впервые появилась Молодая гвардия. Это название было «трофейным», поскольку примером послужили только что изгнанные из страны наполеоновские французы. Все прежде существовавшие гвардейские части бы объявлены Старой гвардией, а три армейских полка – Лейб-Гренадерский, Павловский гренадерский и Кирасирский Его Величества за отличия в боях были причислены к Молодой гвардии под названием Л.-гв. Гренадерского, Л.-гв. Павловского и Л.-гв. Кирасирского. Молодая гвардия была выше армии только на один чин. Гвардейские петлицы на мундирах нижних чинов и расшивка музыкантов были не жел-

тыми, как в старых полках, а белыми. Позже, в 1814 году, после взятия Парижа, из армейских эскадронов, отличившихся в Отечественную войну, был сформирован, также с правами Молодой гвардии, Л.-гв. Конно-егерский полк.

Унтер-офицеры Л.-гв. Павловского полка. 1817–1825 гг.

После наполеоновских войн сложилась следующая структура Гвардейского корпуса. В гвардии было две дивизии пехоты, каждая состояла из четырех полков, образуя две бригады по два полка. Ко второй бригаде каждой дивизии относилась еще одна гвардейская часть, равная батальону. Гвардейская кавалерия называлась 1-м Резервным кавалерийским корпусом.

1-я Гвардейская пехотная дивизия

1-я бригада:
Лейб-гвардии Преображенский полк
Лейб-гвардии Семеновский полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Измайловский полк
Лейб-гвардии Егерский полк
Лейб-гвардии Саперный батальон

2-я Гвардейская пехотная дивизия

1-я бригада:
Лейб-гвардии Литовский полк
Лейб-гвардии Гренадерский полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Павловский полк
Лейб-гвардии Финляндский полк
Гвардейский флотский экипаж

Легкая Гвардейская Кавалерийская дивизия

1-я бригада:
Лейб-гвардии Драгунский полк
Лейб-гвардии Уланский полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Гусарский полк
Лейб-гвардии Конно-егерский полк
Лейб-гвардии Казачий полк

1-я Кирасирская дивизия

1-я бригада:
Кавалергардский полк
Лейб-гвардии Конный полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Кирасирский полк
Лейб-Кирасирский Ея Величества полк

Гвардейская артиллерия

Лейб-гвардии 1-я Артиллерийская бригада
Лейб-гвардии 2-я Артиллерийская бригада

Гвардейская конная артиллерия

Рядовые Л.-гв. Егерского, Финляндского и Волынского полков в 1824–1825 гг.

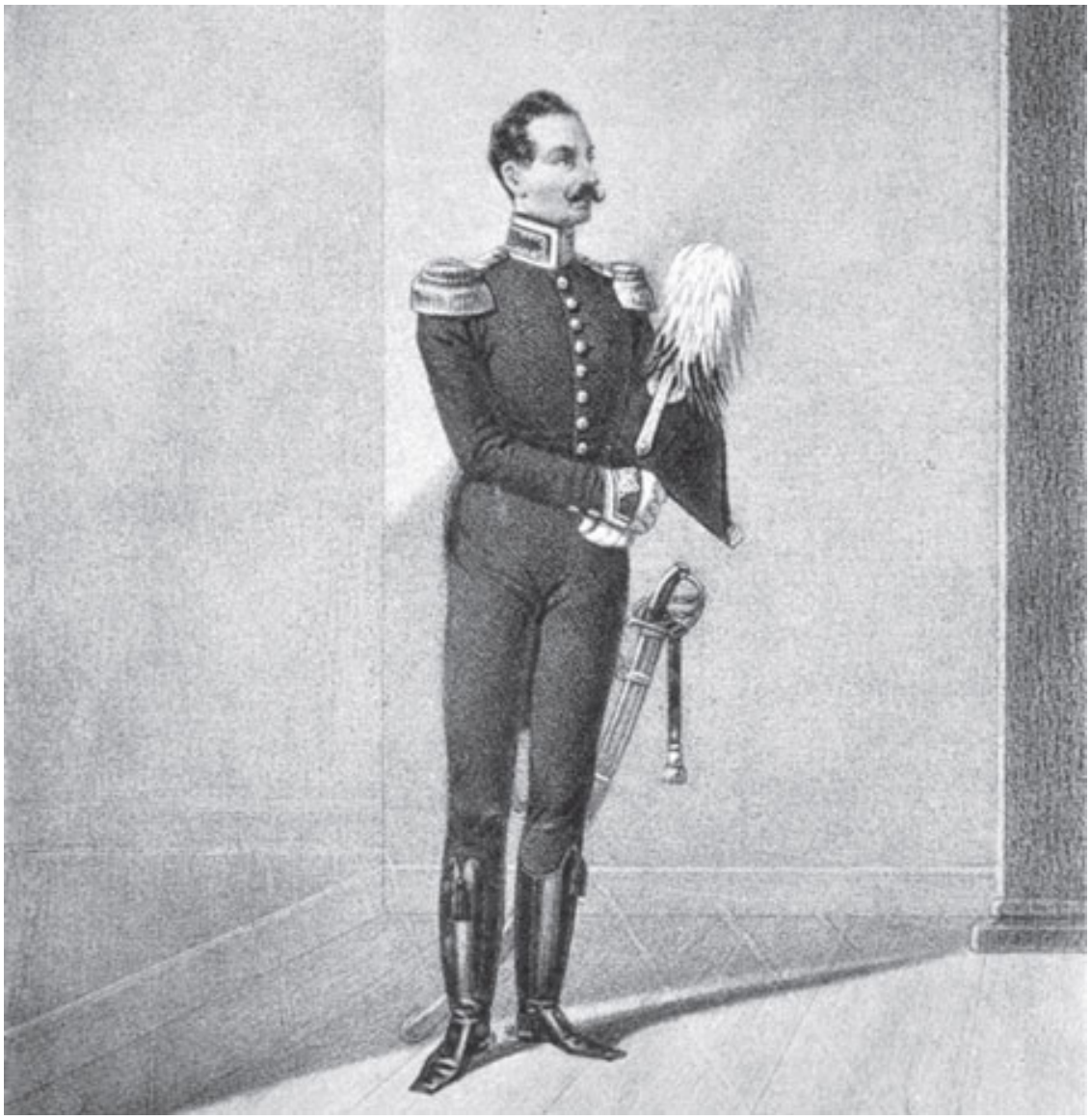
Последний из названных полков – Лейб-Кирасирский – был армейским. Ради стройной картины структуры гвардейского корпуса в состав гвардейских дивизий входили некоторые самые лучшие, отборные, близкие к Петербургу и императорской фамилии армейские полки, которые по составу людей и красоте обмундирования почти не уступали гвардейским. Это были Лейб-Кирасирский Ея Величества, Атаманский казачий, а позже Кексгольмский и Санкт-Петербургский гренадерские полки.

Цесаревич Константин Павлович начал формировать в Варшаве свой гвардейский отряд в составе Отдельного Литовского корпуса. Еще в 1814 году он задержал здесь по одному батальону Л.-гв. Литовского и Финляндского полков, которые возвращались из похода. В 1817 году батальон Л.-гв. Литовского полка в Варшаве был развернут в полк, к которому перешло название Л.-гв. Литовского, а полк, стоявший в Петербурге, был переименован в Л.-гв. Московский. Варшавский батальон финляндцев развернули в Л.-гв. Волынский полк.

Тогда же из уроженцев западных губерний, служивших в полках гвардейских кирасир, был сформирован Л.-гв. Подольский кирасирский полк, а из двух эскадронов Л.-гв. Уланского полка – Л.-гв. Уланский Его Высочества Наследника Цесаревича Константина Павловича. Все эти полки относились к Старой гвардии. В 1824 году кавалерия варшавского отряда пополнилась еще одним полком – Л.-гв. Гродненским гусарским. Он был сформирован в городе Седлец из польских уроженцев, с правами Молодой гвардии, и не имел никакого отношения к одноименному полку армейских гусар – последний был тогда же переименован в Клястицкий.

Для отряда гвардейской кавалерии, находившегося в Варшаве, была сформирована своя артиллерия – Л.-гв. Конно-Легкая рота № 3, а для гвардейской пехоты – Л.-гв. Батарейная № 6-го рота, обе с правами Старой гвардии.

В 1819 году в Петербурге был сформирован Л.-гв. Конно-Пионерный эскадрон, причисленный к 2-й бригаде Легкой гвардейской кавалерийской дивизии. (С 1845 года – Л.-гв. Конно-Пионерный дивизион).



Штаб-офицер Л.-гв. Гродненского Гусарского полка в 1824–1825 гг.

Служба в гвардии, несмотря на свою повышенную сложность и ответственность, была во много раз престижнее армейской, а для офицеров еще и комфортнее. В первой половине XIX века только самые лучшие полки армейской пехоты квартировали в больших городах, большинство же – в захолустных городках и деревнях, и в мирное не видели почти ничего, кроме муштры и провинциальной скуки. То же можно было сказать о пешей артиллерии и саперах. Армейская кавалерия с конной артиллерией и коннопионерами вела кочевую жизнь. Для того чтобы прокормить большое количество лошадей, нужно было менять стоянки. Кроме регулярной перемены мест и новых впечатлений, это означало и бытовую нестабильность.

Гвардейский кавалерийский адъютант в 1815–1825 гг.

Совсем другое дело – гвардия, которая располагалась в казармах в блестящем Санкт-Петербурге и его красивейших пригородах – Царском Селе, Гатчине, Петергофе, Ораниенбауме. Удовольствия столичной жизни, щегольство и красота мундиров, расположение государя, внимание дамского общества, восхищение народа – это не могло не вызывать зависти. Настроение многих армейских служак высказал Грибоедов в комедии «Горе от ума» устами своего героя, полковника Скалозуба:

Мне нравится, при этой смете

Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью, дивятся будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Все так прилажено, и тальи так же узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят иные по-французски[57].

В конце 1820 года, после «семеновской истории», Л.-гв. Семеновский полк был расформирован, все нижние чины были распределены по армейским полкам, а офицеры переведены в армейские полки «с сохранением гвардейских преимуществ», то есть с повышением на два чина.

[57] Грибоедов А.С. Собр. соч. в 2-х томах. М., 1971. Т. 1. С. 95.

Кавалерийский генерал в 1814–1825 гг.

Тогда же из рот, взятых из армейских гренадерских полков, был сформирован новый Л.-гв. Семеновский полк, с правами Молодой гвардии. В декабре 1823 года ему были пожалованы права Старой гвардии. В марте 1825 года полки гвардейской пехоты в Петербурге были заново распределены по дивизиям. Раньше 1-я дивизия состояла из самых старых заслуженных полков, а 2-я – из более молодых. Недовольство новым Семеновским полком, который гвардейцы не хотели считать преемником прежнего, побудило высшее командование распределить полки по другому, перемешав старые с молодыми, а бригадам дать сквозную нумерацию.

1-я Гвардейская пехотная дивизия

1-я бригада:
Лейб-гвардии Преображенский полк

Лейб-гвардии Московский полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Семеновский полк
Лейб-гвардии Гренадерский полк
Гвардейский экипаж

2-я Гвардейская пехотная дивизия

3-я бригада:
Лейб-гвардии Измайловский полк
Лейб-гвардии Павловский полк

4-я бригада:
Лейб-гвардии Егерский полк
Лейб-гвардии Финляндский полк
Лейб-гвардии Саперный батальон

В 1827 году из уволенных со службы нижних чинов, самых лучших по службе, ветеранов многих сражений, при дворе была образована Рота дворцовых гренадер. В том же году из татар Крымского полуострова образован Л.-гв. Крымско-Татарский эскадрон (в 1832 году был причислен к Л.-гв. Казачьему полку, при котором уже числился Л.-гв. Черноморский эскадрон). В 1828 году из кавказских горцев был сформирован Л.-гв. Кавказско-Горский взвод (с 1830 года – полуэскадрон, с 1832 года его приказано было считать в составе 1-й Легкой гвардейской кавалерийской дивизии, но в командировке при Главной Императорской квартире).

Рядовые Л.-гв. Крымско-Татарского эскадрона в 1827–1830 гг.

Рядовые Л.-гв. Финского стрелкового батальона. Литография Л. Белоусова. После 1833 г.

Обер-офицер и трубач Горского эскадрона. Рис. 1830-х гг.

В 1829 году Учебный Финский стрелковый батальон был причислен к составу Молодой гвардии под названием Л.-гв. Финского стрелкового батальона. В состав Гвардейского корпуса вошел Атаманский казачий полк. В том же году Гвардейский корпус стал называться Отдельным Гвардейским корпусом, и это название сохранялось до 1844 года, когда слово «отдельный» ушло из названия. В 1830 году учреждена Л.-гв. Донская Легкая Конноартиллерийская рота. Тогда же Лейб-Уральская казачья сотня получила права Молодой гвардии и название Л.-гв. Уральской сотни (в 1832 году причислена к Атаманскому казачьему полку).

Непосредственно в Санкт-Петербурге в казармах размещались все полки 1-й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий, 1-я и 2-я бригады пешей артиллерии, Л.-гв. Саперный батальон, Коннопионерный дивизион, Жандармский полуэскадрон, Рота дворцовых гренадер

и часть Гвардейских инвалидных рот. Батарейная рота конной артиллерии размещалась в городе, легкие роты (посменно) – в городе и в деревнях. Кавалерия была представлена Кавалергардским, Л.-гв. Конным, Л.-гв. Казачьм полками и одним дивизионом Атаманского казачьего полка (два других дивизиона квартировали на Дону и регулярно происходила смена).

Остальные полки гвардейской кавалерии квартировали в пригородах: Л.-гв. Кирасирский и Гусарский – в Царском Селе, Л.-гв. Драгунский и Уланский – в Петергофе, Лейб-Кирасирский – в Гатчине, так же как и еще одна гвардейская часть – Л.-гв. Гарнизонный батальон. Л.-гв. Конно-егерский полк стоял гораздо дальше – под Новгородом.

Обер-офицеры и рядовые гренадерских полков Императора Австрийского и Короля Прусского в 1832–1833 гг.

Штаб-трубач и унтер-офицер Л.-гв. Коннопионерного эскадрона. Начало 1830-х гг. Литография Л. Белоусова

Рядовой Л.-гв. Жандармского полуэскадрона в 1835–1843 гг.

Большие перемены претерпела гвардия после завершения Польской кампании 1831 года, когда был расформирован Варшавский отряд, а его полки в 1832 году, при возвращении гвардии на свои квартиры, переведены в Россию, в основном в окрестности Новгорода. Здесь разместились полки Л.-гв. Гродненский Гусарский и Уланский Великого князя Михаила Павловича (который стал шефом этого и ряда других полков после смерти Цесаревича Константина). Л.-гв. Волынский полк был размещен вначале в Кронштадте, а с 1836 года – в Ораниенбауме, Л.-гв. Литовский – в Петербурге, где для него были выстроены казармы.

Кавалергардский полк стал называться Кавалергардским Ея Величества, а Лейб-Кирасирский – Лейб-Кирасирским Наследника. Л.-гв. Кирасирский полк присоединен к Л.-гв. Подольскому Кирасирскому полку, который вскоре получил название Л.-гв. Кирасирского Его Величества, с правами Старой гвардии. Еще три полка Молодой гвардии – Л.-гв. Гренадерский, Павловский, Гродненский гусарский, а также Л.-гв. Финский стрелковый батальон были причислены к составу Старой гвардии.

1-я и 2-я Гвардейские пехотные дивизии получили тот же традиционный состав полков, который был до 1820 года. Кроме этого, сформирована 3-я Гвардейская пехотная дивизия из двух гвардейских и двух заслуженных армейских гренадерских полков, стоявших на новгородской земле. К 1-й и 2-й Гвардейским артиллерийским бригадам добавилась еще одна, под названием 3-я Гвардейская и Гренадерская артиллерийская бригада. Название объяснялось тем, что она состояла из гвардейских и гренадерских артиллерийских рот. Каждая из пеших артиллерийских бригад придавалась соответствующей пехотной дивизии.

Гвардейских кавалерийских дивизий также стало три – 1-я Кирасирская (с 1833 года переименована в Гвардейскую Кирасирскую), 1-я Легкая гвардейская кавалерийская и 2-я Легкая гвардейская кавалерийская. Л.-гв. Конная артиллерия включала в себя три Конно-легких батареи, № 1, 2 и 3, состоявшие при кавалерийских дивизиях, а также Батарейную батарею и Л.-гв. Донскую легкую роту (с 1834 года – батарею), которые составляли отдельный Гвардейский конноартиллерийский резерв. Поскольку в 1833 году артиллерийские роты были переименованы в батареи, то у Батарейной роты и появилось такое забавное для современного человека название – Батарейная батарея.

Тамбур-мажор Л.-гв. Литовского полка в 1843–1844 гг.

Рядовой и барабанщик Л.-гв. Гарнизонного батальона. Литогр. Л. Белоусова. После 1833 г.

В 1831 году Л.-гв. Драгунский полк за подвиги в Польскую кампанию получил новое имя – Л.-гв. Конногренадерский. А вскоре прежнее название появилось снова, но уже в другом полку – в 1833 году Л.-гв. Конноегерский полк стал называться Л.-гв. Драгунским. Последнее было связано с расформированием конноегерских полков в армии. Тогда же Гвардейская Кирасирская и 1-я Легкая дивизии составили Гвардейский резервный кавалерийский корпус.

Отдельный Гвардейский корпус приобрел следующий состав, который сохранялся до конца николаевского царствования:

ГВАРДЕЙСКАЯ ПЕХОТА

1-я Гвардейская пехотная дивизия

1-я Гвардейская пехотная бригада:
Лейб-гвардии Преображенский полк
Лейб-гвардии Семеновский полк

2-я Гвардейская пехотная бригада:
Лейб-гвардии Измайловский полк
Лейб-гвардии Егерский полк
Лейб-гвардии Саперный батальон

2-я Гвардейская пехотная дивизия

3-я Гвардейская пехотная бригада:
Лейб-гвардии Московский полк
Лейб-гвардии Гренадерский полк

4-я Гвардейская пехотная бригада:
Лейб-гвардии Павловский полк
Лейб-гвардии Финляндский полк
Гвардейский флотский экипаж

3-я Гвардейская пехотная дивизия

5-я Гвардейская пехотная бригада:
Лейб-гвардии Литовский полк
Гренадерский Его Величества Императора Австрийского полк (с 1835 года – Гренадерский Императора Франца I)

6-я Гвардейская пехотная бригада:
Гренадерский Его Величества Короля Прусского полк (с 1840 года – Гренадерский Короля Фридриха-Вильгельма III)
Лейб-гвардии Волынский полк
Лейб-гвардии Финский стрелковый батальон

ГВАРДЕЙСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Гвардейская Кирасирская дивизия

1-я бригада:
Кавалергардский Ея Величества полк
Лейб-гвардии Конный полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк
Лейб-Кирасирский Наследника полк

1-я Легкая гвардейская кавалерийская дивизия

1-я бригада:
Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк
Лейб-гвардии Уланский полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Гусарский полк
Лейб-гвардии Казачий полк

2-я Легкая гвардейская кавалерийская дивизия

1-я бригада:
Лейб-гвардии Драгунский полк
Лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полк

2-я бригада:
Лейб-гвардии Гродненский Гусарский полк
Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк

ГВАРДЕЙСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

1-я Лейб-гвардии Артиллерийская бригада
2-я Лейб-гвардии Артиллерийская бригада
3-я Гвардейская и Гренадерская артиллерийская бригада
Лейб-гвардии Конная артиллерия

В каждой из гвардейских пехотных дивизий первые три полка относились к тяжелой, или линейной, пехоте (с гренадерской организацией), а четвертый полк – к легкой пехоте (с егерской организацией), за исключением периода 1821–1831 годов, когда два легких полка, Егерский и Финляндский, были в одной бригаде.

Трубач Л.-гв. Конно-Гренадерского полка в 1836–1841 гг.

Гвардия в Царском Селе. Худ. Ф. Крюгер. 1832 г.

Гвардейский полк тяжелой пехоты состоял из трех батальонов, по четыре роты в каждом. В голове каждого батальона стояла его гренадерская рота, составленная из самых лучших заслуженных солдат хорошего поведения и самой видной наружности. Гренадерские роты считались самыми престижными, особенно первая, «государева рота», если шефом полка был император. Давно уже ушли в прошлое гренады – ручные бомбы, которые метали во врага гренадеры, самые рослые, сильные и бесстрашные солдаты, но традиционное название гренадер осталось как признак лучших из лучших. Остальные три роты в батальоне назывались фузилерными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.